

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Актуальные проблемы юриспруденции
в России и за рубежом**

Выпуск VI

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 февраля 2019 г.)**

г. Новосибирск

2019 г.

**Издатель Инновационный центр развития образования и науки
(ИЦРОН), г. Нижний Новгород**

Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом. / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 6. г. **Новосибирск.** – НН: ИЦРОН, 2019. 37 с.

Редакционная коллегия:

гранд доктор философии, академик, профессор, член-корреспондент, заслуженный деятель науки и образования РАЕ Апсалямов Рашит Галемзянович (г. Миасс), доктор исторических наук Быкова Анастасия Геннадьевна (г. Омск), доктор юридических наук, профессор Васильев Федор Петрович (г. Москва), кандидат юридических наук Голубева Лада Анатольевна (г. Гатчина), кандидат юридических наук Грузинская Екатерина Игоревна (г. Новороссийск), кандидат юридических наук, доцент Закиров Радик Юрьевич (г. Казань), кандидат юридических наук Киракосян Сусана Арсеновна (г. Новороссийск), доктор юридических наук, профессор Кириченко Александр Анатольевич (Украина, г. Николаев), доктор юридических наук, профессор Комарова Валентина Викторовна (г. Москва), кандидат юридических наук, доцент (судья в отставке) Корниенко Валерий Тарасович (г. Вологодск), кандидат юридических наук, доцент Краснова Кристина Александровна (г. Москва), кандидат исторических наук, доцент Кружалова Людмила Валерьевна (г. Санкт-Петербург), кандидат юридических наук Кудинов Владимир Владимирович (г. Курган), кандидат политических наук, доцент Лебедева Маргарита Леонидовна (г. Москва), кандидат юридических наук Павлова Арзулана Акрамовна (г. Якутск), кандидат юридических наук, доцент Потапов Михаил Григорьевич (г. Новосибирск), кандидат юридических наук, доцент Решняк Мария Генриховна (г. Москва), кандидат юридических наук Сирик Марина Сергеевна (г. Тихорецк), доктор исторических наук, член-корреспондент РАЕ Сопов Александр Валентинович (г. Майкоп), кандидат юридических наук, доцент Трунина Екатерина Владимировна (г. Саранск), кандидат юридических наук, доцент Усманова Елена Фанильевна (г. Саранск), кандидат юридических наук, доцент Шикуга Ильемира Рифкатьевна (г. Москва), кандидат исторических наук Юрова Ксения Игоревна (г. Сочи).

В сборнике научных трудов по итогам VI Международной научно-практической конференции «**Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом**» г. **Новосибирск**, представлены научные статьи, тезисы, сообщения студентов, аспирантов, соискателей учёных степеней, научных сотрудников, докторантов, практикующих юристов Российской Федерации, а также коллег из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов. Материалы размещены в сборнике в авторской правке.

Статьи, принятые к публикации, размещаются в полнотекстовом формате на сайте eLIBRARY.RU.

Оглавление

СЕКЦИЯ №1.	
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ	5
ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ Костенков К.А.	5
НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА Стефанов А.Ю.	7
О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ ФУНКЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА Шока В.С.	9
СЕКЦИЯ №2.	
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	11
ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ОКРУГА КАК ЭЛЕМЕНТ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННО- ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА Уколова А.Е.	11
СЕКЦИЯ №3.	
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО	14
АЛИМЕНТНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА РОДИТЕЛЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К СВОИМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ДЕТЯМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ МУСУЛЬТМАНСКИХ СТРАН Каппушева А.А., Коноваленко О.Л.	14
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА Красилова Н.В., Рейдель Л.Б.	18
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ФОРМЕ ПЕРЕВОДА ИЛИ ПЕРЕРАБОТКИ В РАКУРСЕ ПРИНЦИПА СОЧЕТАНИЯ ЛИЧНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ В РОССИЙСКОМ АВТОРСКОМ ПРАВЕ Сосипатрова Н.Е.	21
СЕКЦИЯ №4.	
ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	23
СЕКЦИЯ №5.	
ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО;	23
СЕКЦИЯ №6.	
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	23
СЕКЦИЯ №7.	
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	23
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЗАДЕРЖАНИЕМ ЛИЦ В РОССИИ И США Гасилина А.А.	24

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РФ СО СЛЕДОВАТЕЛЕМ Замашанская А.Ю.	27
СЕКЦИЯ №8. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО	29
СЕКЦИЯ №9. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	29
СЕКЦИЯ №10. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО	29
ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЛИГАЦИОННЫХ ЗАЙМОВ Жмурко И.М.	30
СЕКЦИЯ №11. ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС	32
К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ И КАЧЕСТВЕ РАБОТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТОРОНЫ В СУДЕ Ермолаев К.А.	32
ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2019 ГОД	35

СЕКЦИЯ №1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Костенков К.А.

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Большинство современных государств декларируют в своем законодательстве и даже вносят в текст основного закона страны, Конституцию, термин «правовое государство». Не является исключением и Конституция Российской Федерации 1993 года, которая в ст. 1, ч. 1 закрепляет, что «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления» [5]. Вместе с тем, основная позиция ученых сводится к тому, что в настоящее время не существует ни одного правового государства. Те или иные политико-правовые образования могут находиться лишь на пути к его становлению [4, с. 65]. При отсутствии эталона правового государства ставится под сомнение возможность его формирования на практике, в реальной действительности. В связи с этим теория правового государства требует всестороннего, тщательного изучения.

Сам термин «правовое государство» (Rechtsstaat) впервые появляется в трудах К.Т. Велькера и Р. фон Моля в первой трети XIX века [10, с. 67]. В своей работе «Наука о полиции согласно принципам правового государства», опубликованной в 1832 г., Р. фон Мольт признавал правовую государственность характерной для высшей стадии государственного развития, связывал ее с приоритетной защитой прав и свобод всех и каждого государством и наличие системы государственной организации, обеспечивающей достижение этой высшей цели. Мольт понимал правовое государство «как новый тип конституционного государства, которое должно основываться на закреплении в конституции прав и свобод граждан, на обеспечении механизма судебной защиты индивида» [1, с. 55].

В англоязычной литературе отсутствует термин «правовое государство», его заменяет другое понятие – «Rule of Law» [9, с. 358], которое в переводе на русский язык означает «верховенство права». Ф.М. Раянов считает, что, «такие понятия, как «верховенство права», «правовое государство», «конституционное государство» – это однозначные по существу понятия, различия между этими словами не существенные, а чисто внешние, терминологические» [8, с. 6]. Однако авторы доклада «О верховенстве права», учрежденного Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии, отмечают то, что понятие «верховенство права» («Rule of law») не всегда является синонимом понятий «Rechtsstaat», «Etat de droit» или «правовое государство» [2, с.3], исследователи доказывают это положение тем, что концепция «правового государства» («Rechtsstaat») по определению намного больше сосредоточена на природе государства, зародилось благодаря письменным конституциям. В то время как верховенство права зародилось в залах суда» [2, с. 4].

Между такими понятиями, как «верховенство права» и «правовое государство» существуют различия, так как в первом случае выражением и источником права является автономная судебная система, которая своими решениями создает прецеденты, а во втором – писаная конституция прямого действия.

Сегодня среди исследователей нет единого мнения по вопросу, касающемуся характера теории правового государства – адекватности отражения в ней современной государственно-правовой среды или же её формальности [6, с.10].

Так, например, И. А. Иванников рассматривает теорию правового государства в виде некоего образца или идеала современного и будущего государства, который можно только мыслить. Ученый решительно заявляет о том, что «в мире не было, нет и не будет правового государства в силу того, что любой идеал не достижим» [3, с. 181].

Противоположной точки зрения придерживается Ф. М. Раянов. Правовед отмечает, что реальность правового государства подтверждается различными уровнями познания составляющих правовое государство элементов или принципов, в том числе «через рефлексивно-познавательную деятельность» [8, с.10]. Исследователь утверждает, что «формирование правового государства в некоторых странах только начинается, а в некоторых – уже получило вполне реальные черты». И если сегодня, заключает Ф. М.

Раянов, «Германия, Испания и некоторые другие страны объявили у себя, что у них государство является правовым, то какие у нас есть сомнения этому не верить?» [8, с.45].

Интересной представляется точка зрения М. Н. Марченко, который считает, что в теории правового государства в гораздо большей мере «должного», нежели «сущего». Автор обращает внимание на то, что «всевозможным декларациям, теориям и заявлениям представителей официальных кругов можно было бы доверять, если бы они объективно отражали действительность и в основе своей были бы не формальными, а реалистическими феноменами» [6, с. 10]. М. Н. Марченко приходит к выводу, что нельзя отвергать жизнеспособность теории правового государства, «потому что данная теория, судя по географии её распространения и по тому повышенному вниманию, которое уделяется ей в различных регионах мира, является одной из ведущих на современном этапе развития общества теоретических конструкций, имеющая весьма важное теоретико-методологическое и политико-идеологическое значение, теория правового государства является своеобразным ориентиром в процессе дальнейшего развития и совершенствования государственности, в чем проявляется прикладная, прагматическая роль данной теории» [6, с. 11].

«В настоящее время можно найти консенсус в отношении необходимых составляющих правового государства, которые будут не только формальными, но и субстантивными или материальными», – отмечают авторы доклада «О верховенстве права», учрежденного Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии [2, с. 11]. При этом должны соблюдаться следующие аспекты: законность, в том числе прозрачный, подотчетный и демократический процесс принятия законодательства; правовая определенность; запрет на произвол; доступ к правосудию, обеспечиваемому независимыми и беспристрастными судами, в том числе судебного рассмотрения административных актов; соблюдение прав человека; недискриминация и равенство перед законом.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что теория правового государства не является только «чистой» теорией, это подтверждает география её распространения и различный уровень познания принципов правового государства, имеющих весьма важное теоретико-методологическое, политико-идеологическое значение. Не следует также забывать, что на сегодняшний день правовое государство для России – это своеобразный ориентир, для достижения которого следует решить такие проблемы, как несовершенство законодательства, правовой нигилизм, «война законов», коррупция, высокий уровень преступности, слабость социальных гарантий граждан, несбалансированность взаимодействия исполнительной и законодательной ветвей власти. Именно поэтому нельзя упускать из виду теорию правового государства и необходимо продолжать её изучение.

На основании вышеизложенного мы можем дать определение термину «правовое государство». **Правовое государство** – это политическая организация общества, в которой судебная ветвь власти отделана от исполнительной и законодательной, соблюдается принцип верховенства права, гарантируются, обеспечиваются и защищаются права и свободы человека и гражданина.

Список литературы

1. Вестов Ф.А. Формирование идеи правового государства в России // Известия Саратовского университета. 2008. № 2. – С. 54-47.
2. Доклад о верховенстве права, утвержденный Венецианской комиссией на 86 пленарной сессии (Венеция, 25-26 марта 2011 года). Страсбург, 2011. – 19 с.
3. Иванников И. А. Теория государства и права. Учебник. – М.: РИОР; ИНФРА-М: Академцентр, 2012. – 352 с.
4. Измалков А. В. Парадигма правового государства как конституционно-правовая утопия // Инновационная экономика и право, 2016. №3. – С. 63-71.
5. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // РГ. 1993, 25 дек.
6. Марченко М. Н. Теория правового государства в системе других государственно-правовых теорий // Государство и право, 2011. № 8. – С. 5-11.
7. Перевалов В.Д. Гражданское общество и правовое государство // Теория государства и права: учебник для вузов / Отв. ред. В.Д. Перевалов. - М.: НОРМА, 2014. – 616 с.
8. Раянов Ф. М. Теория правового государства: проблемы модернизации. – Уфа: Гилем, 2010. – 136 с.
9. Раянов Ф. М. Правовое государство и современный мир. – СПб: Юридический центр-Пресс, 2012. – 92 с.

10. Романчук И. С. Правовое государство в политической системе современного общества: миф или реальность // Правовое государство: теория и практика, 2010. №1. –С. 66-69.

НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Стефанов А.Ю.

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Понятие немецкой классической философии вошло в научный обиход после выхода в свет работы Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Под немецкой классической философией, как правило, понимаются идеалистические учения в немецкой философии XVIII – XIX веков, среди которых наиболее известными являются учения Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля.

На развитие юридической науки особое влияние оказало творческое наследие Канта и Гегеля, поскольку в трудах именно этих философов осмысление таких социальных явлений, как право и государство, стало одним из ключевых элементов их философских систем. Учения Канта и Гегеля знаменуют собой новый уровень философского осмысления права и государства. Как отмечал Б.А. Кистяковский, «понятие права разрабатывается главным образом философами, особенно благодаря новой постановке этики у Канта. Высшим пунктом этой разработки является, несомненно, учение об объективном духе Гегеля» [4, 299].

Влияние учений Канта и Гегеля на развитие юриспруденции объясняется даже не тем, как именно эти философы понимали право и государство, а тем, какими методами познания они пришли к их пониманию. Это обстоятельство во многом и предопределило влияние философских учений Канта и Гегеля на развитие методологии как мировой, так и отечественной юридической науки.

В «Критике чистого разума» Кант, излагая свое трансцендентальное учение о методе, указывал, что «во всех своих начинаниях разум должен подвергать себя критике и никакими запретами не может нарушать ее свободы... На этой свободе основывается само существование разума, не имеющего никакой диктаторской власти, и его приговоры всегда есть не что иное, как согласие свободных граждан, из которых каждый должен иметь возможность выражать свои сомнения» [3, 553]. Исходя из указанной методологической посылки, Кант развивал и свое учение о праве и государстве. «Мысль И. Канта состояла в том, что для постижения сущности права недостаточно знать содержание законодательства разных стран и народов, т.е. эмпирическую действительность. Сущность права не только не может быть постигнута методами практической юриспруденции... Сущность права не может быть постигнута ни практическим правоповедением, ни даже общей теорией права, если последняя не выйдет за пределы юридических категорий... Подлинная мысль И. Канта состояла в том, что сущность права может быть постигнута только философским разумом» [5, 4].

Обращение исследователей к наследию Канта послужило основой для формирования с середины XIX века целого направления в философии, получившего название «неокантианство», которое сосредоточилось именно на методологической составляющей учения Канта, то есть на исследовании знания как такового, его структуре, развитии и функционировании. Так, неокантианцы в отличие от философов, искавших универсальный метод науки, проводили разграничение наук естественных и гуманитарных именно с учётом деления мира на природу (мир сущего, являющийся объектом естественных наук) и на культуру (мир должного, который является объектом гуманитарных наук). Указанным разграничением определяется и специфика научных методов: естественные науки используют номотетический метод, который основывается на выведении закономерностей из мира сущего, а гуманитарные (в том числе и юридическая наука) – идеографический, «предлагающий» эталонные состояния должного.

В российском правоповедении второй половины XIX – начала XX века идеи неокантианства получили развитие в сочинениях многих учёных, среди которых особое место занимают работы П.И. Новгородцева. Обращение юриспруденции к творческому наследию Канта, по мнению Новгородцева, является закономерным, поскольку «история философии не знает до сих пор более крупной попытки обосновать самостоятельное значение этической методы... Проблемы индивидуализма и нравственной оценки, совершенно выходящие из сферы объективно-научного рассмотрения, получают здесь надлежащее

освещение... Это философское признание нормативного рассмотрения имеет большое значение для юриспруденции, которую также пытались перестроить под влиянием позитивизма. Ее особенная метода должна остаться неприкосновенной, как самостоятельный способ исследования, наряду с историческим и социологическим» [7, II].

Неокантианская философия права получила своё развитие также в трудах Б.А. Кистяковского, который указывал, в частности, что открытия Канта, касающиеся методов познания, сыграли «громкую роль в после-кантовской философии. Можно проследить, как эти идеи, впервые высказанные Кантом, последовательно снова и снова возрождаются в философии Фихте... и Шеллинга..., пока, наконец, они не составили одну из основ философии Гегеля» [4, 124].

Влияние творческого наследия Гегеля на развитие методологии российской юридической науки второй половины XIX – начала XX века оказалось не менее значительным, чем влияние Канта. Как отмечал А.А. Пионтковский, «для кантианской теории права и государства является характерным рассуждение не о познании сущего права и государства, а рассуждение о должном праве и государстве, рассуждение о том, каким должно быть право и государство согласно требованиям категорического императива практического разума... Иные задачи ставил Гегель перед теорией права и государства. С его точки зрения задача философии права заключается в том, чтобы понять сущее, а не заниматься изобретением каких-либо субъективных представлений о должном праве и государстве» [8, 73].

В своей «Философии права» Гегель исходил из того, что «наука о праве есть часть философии. Поэтому она должна развить из понятия идею... Понятие права по своему становлению трактуется вне науки права, его дедукция предполагается здесь уже имеющейся, и его следует принимать как данное... Следуя формальному, а не философскому методу наук, обычно ищут и требуют прежде всего дефиницию ради сохранения по крайней мере внешней научной формы... Правильность дефиниции определяют затем в зависимости от ее соответствия существующим представлениям. При этом методе отодвигается на задний план то, что единственно существенно в научном отношении, в отношении содержания» [1, 60].

Идеи гегелевской философии права получили своё отражение в работах многих российских правоведов XIX – начала XX века. Одним из наиболее известных последователей методологических установок Гегеля стал Б.Н. Чичерин. «Во многом с гегельянских позиций Чичерин критиковал позитивизм, эмпиризм, дарвинизм и утилитаризм. Его в принципе не устраивает ни один из послегегелевских теоретических подходов к праву и государству, и он подвергает критике взгляды Иеринга, Конта, Спенсера, Петражицкого» [6, 244].

Значительную роль в исследовании философского наследия Гегеля в контексте проблем методологии сыграли в отечественном правоведении работы И.А. Ильина. Философия права Гегеля, как писал Ильин, «есть зрелый и естественный плод его метафизики. Вся сложность, вся тяжеловесность и вся самобытная глубина его философии перенесены им и в эту область, и в результате один из наиболее сложных предметов научного знания получил самое необычайное и явно переобремененное истолкование. Эта необычайность выражается уже в том, что Гегель пользуется основными терминами юриспруденции в совершенно своеобразном и трудно уловимом значении, так что мыслителю-юристу, требующему от своих построений прежде всего граненой ясности и строгой определенности, все это учение может показаться сначала бесплодной и ненаучной фантазией... Гегель трактует право и нравственность, исходя из особого предметного опыта, но сосредоточивается при этом не на данных привычного юристу и общедоступного повседневного правового опыта, а на «духовной» сущности и на «духовном» значении правовых и нравственных состояний» [2, 64-65].

Таким образом, можно отметить, что немецкая классическая философия (и прежде всего философские учения Канта и Гегеля) существенным образом повлияли на методологию отечественного правоведения второй половины XIX – начала XX века и во многом определили характер и направление научных исследований.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990;
2. Ильин И.А. Собрание сочинений: Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Т. II. Учение о человеке. М., 2002;
3. Кант И. Критика чистого разума. М., 2007;

4. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916;
5. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002;
6. Нерсесянц В.С. Философия права Гегеля. М., 1998;
7. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М., 1901;
8. Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. М., 1993;
9. Фролова Е.А. Методология и философия права от Декарта до русских неокантианцев. М., 2017;
10. Чичерин Б.Н. Философия права. М., 1900.

О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ ФУНКЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Шока В.С.

магистр права, соискатель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета
Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»
г. Гродно, Республика Беларусь

Правовая доктрина для описания, объяснения и прогнозирования деятельной стороны государства использует понятие функции государства. В рамках марксистско-ленинского, классового подхода к сущности государства, определялось его назначение. Утверждалось, что, поскольку и направление, и предмет, и содержание деятельности государства, и обеспечивающая их система структурных образований изменяются в зависимости от изменения классовой сущности и формы государства, постольку для определения этой зависимости вполне уместным является понятие именно функции [2, с. 164]. Это понятие особенно широко было использовано для определения деятельности социалистического государства – его роли как главного орудия построения социализма, подавления эксплуататорских классов, организации народного хозяйства, поддержки национально-освободительных движений и т. п.

На современном этапе развития отечественной теории государства и права также сохраняется функциональный подход к деятельной стороне государства, но с одним существенным уточнением: расширяется и углубляется понимание социального назначения государства, отвергается провозглашаемая ранее жёсткая связь между изменениями классовых характеристик государства и, соответственно, его функций. Эта связь, как показал исторический опыт, оказалась более многогранной. На функции государства оказывают определяющее влияние не столько классовые характеристики государства, сколько новые условия и проблемы современной жизнедеятельности общества и существования цивилизации (например, киберпреступность, экологические, демографические, сырьевые и иные глобальные проблемы).

Современная юридическая наука, как правило, функции государства рассматривает в зависимости от его основных целей и задач, а также представляет их в качестве средства реализации этих задач.

Венгеров А.Б. считает, что функция государства – это рассматриваемые в комплексе предмет и содержание деятельности государства на определённом направлении, и обеспечивающие её средства и способы [2, с. 164].

Вишневский А.Ф. даёт другое определение данному понятию. Функции государства – это основные направления (виды) деятельности государства (всех его органов) по осуществлению важнейших задач, стоящих перед ним на определённых исторических этапах развития общества [3, с. 104]. Такого определения придерживаются и некоторые другие исследователи [8, с. 90].

Одной из важнейших функций современного государства является социальная. Данная функция призвана обеспечить социальную защищённость каждого человека, нормальные условия жизни всех членов общества независимо от их непосредственного участия в производстве материальных и духовных благ [3, с. 106].

Социальная незащищённость членов капиталистического общества явилась предпосылкой появления и развития концепции «социального государства». Понятие «социальное государство» впервые было введено в научный оборот в середине XIX века в трудах немецких ученых под влиянием философии

Гегеля и в результате анализа развития капитализма и классовой борьбы в Германии. Термин «социальное государство» был предложен государствоведом и экономистом Лоренцом фон Штейном в работе «История социального движения во Франции с 1789 года до наших дней», который считал, что государство обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счёте, развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле заключается сущность социальной функции государства [1, с. 15].

Несмотря на множество трактовок, и подходов к определению социального государства, в понимании его природы прослеживается определенная общность позиций, что позволяет выделить его устойчивое содержание.

Социальное государство – форма организации власти, опирающаяся на ту или иную модель социального общежития (социальный конфликт, социальное отчуждение или социальное партнёрство) и ориентированная на цели устойчивого социального совершенствования общества. Во внутренней жизни страны социальное государство реализуется в социальной политике. В поле международных отношений социальное государство реализуется в политике защиты прав человека [4, с. 4].

Теория социального государства нашла отражение в законодательстве многих современных государств, в том числе в Конституциях Российской Федерации и Республики Беларусь. Одной из первых Конституций на постсоветском пространстве закрепившей принцип социального государства являлась Конституция Российской Федерации 1993 года, которая в части первой ст. 7 Основного Закона Российской Федерации «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [7]. Согласно ст. 1 Конституции Республики Беларусь 1994 года гласит: «Республика Беларусь - ... социальное правовое государство» [6]. Ст. 21 Основного Закона Республики Беларусь гласит «... каждый имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жильё и постоянное улучшение необходимых для этого условий» [6].

Проведённое исследование позволяет выделить следующие основные признаки социального государства: 1. Ответственность государства за состояние качества человека; 2. Ответственность государства за уровень благосостояния граждан; 3. Наличие правовых основ социального регулирования и социального порядка; 4. Ориентация единой социальной политики на всех членов общества, наличие бюджетных социальных выплат и наличие государственных систем социальной защиты и социального обеспечения; 5. Направленность на устойчивое социальное совершенствование общества не только в отношении перераспределения материальных благ, но и в направлении целенаправленного формирования определенного качества человека и системы общественных отношений; 6. В последнее время многие авторы в качестве устойчивого признака социального государства называют наличие в нем институтов гражданского общества, но этот признак не был характерен для ранних этапов развития социального государства [5, с. 87].

Природа (сущность) и цели социального государства реализуются через его функции, в частности через основное направление его деятельности, образующие содержание социальной политики. Необходимо учитывать, что почти за столетнюю историю развития социального государства его функции изменялись. Российский исследователь, бывший министр труда Российской Федерации С.В. Калашников выделяет следующие функции социального государства, которые определяют основные направления социальной политики: 1) первичные социальные функции – регулирование трудовой деятельности, отношений членов общества, обеспечение общедоступности естественных благ и т.п.; 2) экономические функции, направленные на достижение социальных целей, – создание благоприятных экономических условий, регулирование природопользования, повышение уровня личного потребления и др.; 3) общие социальные функции – обеспечение доступного здравоохранения и образования, удовлетворение культурных запросов и т.п.; 4) социальные функции социального государства – обеспечение занятости, социальное обеспечение и так далее [5, с. 107].

В заключение проведённого исследования можно сделать вывод, что в качестве тактических (кратко- и среднесрочных) интегральных функций социального государства следует признать две: функцию объединения граждан страны на основе обеспечения социального (классового) мира и функцию обеспечения экономического роста и развития на основе повышения платежеспособного спроса населения. При этом стратегической (долгосрочной) интегральной функцией социального государства является сохранение качества природности, культуры и социальности человека и общества.

Список литературы

1. Белоусов, А.Л. Размышления о влиянии глобализации на социальную функцию посткоммунистических государств / А.Л. Белоусов // *Equilibrium. Zeszyty naukowe wse.* – 2017 – №1. С. 15–23.
2. Венгеров, А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов / А.Б. Венгеров. – М.: ИКФ Омега–Л, 2002. 608 с.
3. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский; Под общ. Ред. Проф. В.А. Кучинского. – М.: Изд-во деловой и учеб. Лит-ры, 2006. – 656 с.
4. Дахин, А.В. Основы социального государства: учеб. Пособие / А.В. Дахин, С.А. Воробьёв. – Н.Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013. – 102 с.
5. Калашников, С.В. Очерк теории социального государства / С.В. Калашников. – М.: Экономика, 2006. 362 с.
6. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
7. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 30 дек. 2008 г. – М. : Айрис-пресс, 2013. – 63 с.
8. Общая теория государства и права: Учеб. Пособие / Г.А. Василевич, [и др.]; Под общ. Ред. А.Г. Тиковенко. – Мн.: Книжный Дом, 2006. – 320 с.

СЕКЦИЯ №2.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ОКРУГА КАК ЭЛЕМЕНТ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА

Уколова А.Е.

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Любое федеративное государство, несмотря на общность признаков и свойств организации власти, отличается рядом специфических черт. После принятия Конституции Российской Федерации в 1993 году начался процесс модернизации как самих федеративных отношений, так и государственно-территориального устройства. Так, одним из важных элементов реформирования стал Указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе», с принятием которого был запущен процесс формирования управленческих единиц более крупного размера нежели субъекты федерации – федеральных округов. Характеристика государства как федеративного предполагает рассредоточение государственных полномочий по решению тех или иных вопросов управления на территориальном уровне организации государственной власти.

Вектор на укрупнение субъектного состава в нашей стране был задан уже достаточно давно, и можно с уверенностью сказать, что образование федеральных округов является его неотъемлемой частью на пути к совершенствованию федеративного устройства России.

Создание новой модели управления обозначило проблему определения правовой природы федеральных округов, существование которых до сих пор не было известно нашему государству. Не было четкого ответа на вопрос, присущи ли им черты субъектов федерации или же приобретенный ими правовой статус был чем-то принципиально новым. Анализируя положения Конституции Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что прямой возможности создания управленческой модели в виде учреждения федеральных округов она не содержит, однако вместе с тем, в ней и не содержится такого запрета, отсюда следует, что федеральные округа являются ничем иным как возможным звеном в механизме государственного управления. Мнения ученых касательно этого вопроса существенно разнятся: одни придерживаются категорической точки зрения, заключающейся в том, что у Президента не было и нет полномочий по учреждению такого института управления. Так, Ю.И. Скуратов обосновывает свою позицию

тем, что внедрение федеральных округов и полномочных представителей Президента в них является коренным изменением фактически существующих конституционных отношений, которые не нашли отражения в высшем законе государства и общества – Конституции РФ. Данную точку зрения поддерживает А.И. Цыреторов, который считает данное преобразование противоречащим Конституции в силу отсутствия соответствующего полномочия у Президента РФ. Другие же ученые признают данную реформу легальной, объясняя это существованием подразумеваемых полномочий Президента. Мы склонны придерживаться второй точки зрения и признаем этот шаг в развитии федерализма обоснованным и целесообразным. В подтверждение этого можно привести мнение О.В. Долгалева, который считает, что «федеральные округа представляют собой не оговоренный, но допускаемый Конституцией РФ элемент, актуализированный в целях оптимизации государственного регулирования территориального развития».

На наш взгляд, федеральные округа являются административно – управленческими структурами нового типа. Ключевым отличием от других управленческих систем является то, что их создание изначально исходит от главы государства. Следовательно, «федеральные округа – образования не отраслевого и не функционального типа, а созданы для управления государственными делами во всем объеме в рамках федеральной компетенции». Они выступают некими посредниками в отношениях между центральными и региональными властями и созданы для повышения эффективности государственного управления страной.

Для более четкого уяснения сути федеральных округов целесообразным видется обозначить их существенные признаки. В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что объединение нескольких субъектов РФ в федеральные округа носит больше условный характер. По верному замечанию О.В. Долгалева, «федеральные округа представляют собой абстрактные совокупности субъектов Российской Федерации». Более того, если взглянуть на опыт административного деления современных федераций, можно прийти к выводу, что зачастую размеры и число отдельно взятых округов разнятся и не совпадают с границами субъектов государства. Здесь же было бы уместным провести аналогию с историческим опытом России. Как известно, по областной реформе Петра I от 1708 года административное деление на уезды отменялось, вместо этого были сформированы губернии, состоявшие из городов и прилегающих к ним территорий, ввиду чего их границы были достаточно формальны. Еще одно сходство заключается в предпосылках реформирования государственного устройства – и в Петровские времена, и в современной России первопричина крылась в укреплении центральной власти на местах. Важным признаком, характерным для федеральных округов, является отсутствие в них специально уполномоченных органов государственной власти, обладающих всей полнотой исполнительно – распорядительной и законодательной власти, которая бы распространялась на территории всех субъектов, входящих в состав соответствующего федерального округа. Безусловно, нельзя игнорировать факт существования полномочных представителей Президента РФ в каждом округе, однако в их руках сосредоточены скорее координационные и контрольные полномочия, они являются своего рода инструментом «федерального присутствия» в регионах.

Говоря о полномочных представителях, отдельное внимание хотелось бы уделить их правовому статусу. Важно подчеркнуть, что полномочные представители Президента РФ независимы в пределах своей компетенции и напрямую подотчетны главе государства, они представляют из себя обособленный механизм управления, предназначенный для реализации президентской власти. В научной литературе на протяжении долгих лет не утихает дискуссия относительно устойчивости этого управленческого института. Ряд ученых (например, Н.М. Добрынин) полагают, что существование федеральных округов, а вместе с ними и полпредов носит исключительно временный характер и в ближайшем будущем будет поставлено под большой вопрос. Другие же отстаивают противоположную позицию – так, И.А. Акулич уверен в том, что «актуальным и целесообразным видется активизация и совершенствование функционала полномочных представителей». На наш взгляд, существование полпредов и федеральных округов неразрывно связано между собой, а значит показатель эффективности данной модели управления напрямую зависит от продуктивной работы полномочных представителей. Ниже хотелось бы проиллюстрировать несколько примеров.

Одно из основных полномочий полпредов это работа по контролю и надзору за деятельностью региональных властей, а также взаимодействие с ними. Так, за 2018 год полномочным представителем Президента в Уральском Федеральном округе – Николаем Николаевичем Цукановым было проведено множество важных мероприятий. Во – первых, в последний квартал 2018 года на контроль были поставлены такие вопросы как: работа по улучшению качества жизни граждан пожилого возраста (по ХМАО – Югре и Челябинской области), выполнение региональных адресных программ переселения граждан из аварийного жилья (по всему УРФО), выделение средств субвенций на социальную поддержку граждан (по всему

УРФО), работа по противодействию незаконному обороту наркотиков (по всему УРФО (в особом режиме по Свердловской области и ХМАО – Югре)), а также множество других важных вопросов. Во - вторых, за 2018 год Николаем Николаевичем Цукановым и его аппаратом было рассмотрено 15062 обращения граждан, из них 7637 письменных и 7425 устных. Количество обращений граждан, а также насущные вопросы, поставленные на контроль, свидетельствуют о важности и востребованности института полномочных представителей. Одной из целей создания федеральных округов было развитие производительных сил на межрегиональном уровне. На сегодняшний день в Уральском Федеральном округе в стадии разработки и реализации находятся 7 крупных проектов, направленные на достижение этой цели. Один из них получил название «Северный широтный ход», суть проекта заключается в строительстве транспортной инфраструктуры в Ямало – Ненецком автономном округе, так как на данной территории практически не развита транспортная система, что является существенным барьером в развитии экономики Севера. Реализация задуманного позволит обеспечить комплексное экономическое развитие ЯНАО, повысит мобильность граждан, а также станет платформой для освоения ресурсов Арктики. Все вышеперечисленные мероприятия реализуются посредством контроля и координации полномочного представителя Президента РФ в УРФО и его аппарата, ввиду этого мы убеждены в жизнеспособности и актуальности данной системы осуществления Президентской власти.

Однако, полагаем, что на сегодняшний день полномочные представители Президента выполняют функции, которые изначально не были заложены в их компетенцию. Можно сказать, что за время их существования произошла своеобразная переориентация с одних задач на другие. По верному замечанию Д.А. Авдеева «начиная с 2000-х годов федеративные отношения приобретают ярко выраженный централизованный характер. Это нашло отражение в образовании Федеральных округов и учреждения должности Полномочного представителя Президента в Федеральном округе».

Если изначально данный институт учреждался в большей степени для укрепления вертикали президентской власти и формирования единого правового пространства, то на данный момент времени в стране наблюдается стабильная устойчивость властных отношений, и обозначенная выше функция полномочных представителей отошла на второй план. Теперь они выступают в качестве механизма реализации политики федеральных властей в регионах и при этом выполняют те функции, которые не свойственны другим органам государственной власти, приоритетным стало направление в области развития социально – экономических отношений. Также посредством создания федеральных округов на протяжении продолжительного времени активно реализуется интеграционная политика регионов и укрепление горизонтальных связей современного федерализма.

Подводя итог вышесказанного, хотелось бы обозначить несколько ключевых моментов. Во – первых, за многолетнее существование федеральных округов были достигнуты высокие показатели эффективного функционирования данной модели управления, во многом этому способствовала планомерная и целенаправленная деятельность полномочных представителей Президента в федеральных округах, ввиду чего полагаем, что существование федеральных округов не утратит своей актуальности в ближайшем будущем. Во – вторых, произошло качественное перепрофилирование полномочий полпредов, при этом, изменения не были проявлением искусственного насаждения интересов федеральных властей, а были вызваны развитием федеративных отношений в стране. В – третьих, видется необходимым более четко урегулировать вопрос функционирования полпредов в регионах на законодательном уровне, а именно:

- детально обозначить рамки компетенции в целях исключения чрезмерного вмешательства в дела региональных властей;
- отладить механизм взаимодействия с органами федеральных министерств и ведомств, сосредоточенных в регионах, для избегания конфликтных ситуаций;
- эффективным видется наделение полномочиями по выработке предложений касательно оказания федеральной поддержки регионам.

Список литературы и источников

1. Авдеев Д.А. Проблемы и перспективы федерализма в России // Конституционно-правовой статус субъекта Российской Федерации: современное состояние и перспективы: материалы межрегиональной научно-практической конференции, г. Тюмень, 18 сентября 2015 г. / под ред. канд. юрид. наук, доцента Д.А. Авдеева. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2016. С. 9-17.

2. Авдеев Д.А. Современные проблемы российского федерализма // Евразийский юридический журнал. 2017. № 6. С. 243-246.
3. Акулич И.А. Перспективы развития института полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах: политический аспект. / И.А. Акулич // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. №1 (120). Вып.2. С. 85-90.
4. Александров В.М., Семенов А.В. Состояния и перспективы развития федеральных округов Российской Федерации // Правоведение. 2002. № 3. С. 54-60.
5. Долгалаев О.В. Федеральные округа: правовая природа, проблемы и перспективы. // Бизнес в законе. Экономико – юридический журнал. 2010 (3). С.17-19.
6. Проект «Северный широтный ход». Уральский Федеральный Округ – официальный сайт. [Электронный ресурс] // URL: <http://uralfo.gov.ru/projects/sshh/> (дата обращения: 25.01.2019)
7. Скуратов Ю.И. Развитие Конституции Российской Федерации 1993 г.: поправки в Конституцию или конституционная реформа? / Ю.И. Скуратов // Российский юридический журнал. 2009. № 3. С. 40-47.
8. Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2000г. № 849 «О полномочном представителе Президента РФ в федеральном округе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 20. Ст. 2112.
9. Уральский Федеральный Округ – официальный сайт. [Электронный ресурс] // URL: <http://uralfo.gov.ru> (дата обращения: 25.01.2019)
10. Цыреторов А.И. Федеральные округа в системе территориального управления России. / А.И. Цыреторов // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 2. С.200-203.
11. Черкасов К.В. Государственное управление на уровне федерального округа: административное исследование: Автореферат дис. доктора. юр. наук: 12.00.14 / Сергун Петр Павлович. – Москва: Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ. – 2009. – 38 с.

СЕКЦИЯ №3.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

АЛИМЕНТНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА РОДИТЕЛЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ К СВОИМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ДЕТЯМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАН

Каппушева А.А., Коноваленко О.Л.

ФГБОУ ВО Приамурский государственный университет имени
Шолом-Алейхема, Еврейская автономная область, г. Биробиджан

Обязанности родителей по содержанию своих несовершеннолетних детей являются наиболее устоявшимся институтом семейного права в любом государстве, развитие данных отношений получило свое закрепление в нормах этики, морали и религиозных принципах государств. Примером подтверждения того, что религиозные принципы являются неотъемлемой частью развития семейных отношений в мусульманских странах, являются положения Корана: «и не давайте (о, попечители!) легкомысленным (мужчинам, женщинам и детям) вашего имущества, которое Аллах устроил вам для поддержки, и наделяйте их из него, и одевайте их, и говорите им слово благое» [1]. То есть, рассмотрев данную норму, следует отметить, что Коран ставит обязанность родителей содержать и поддерживать свои семьи, в том числе и детей.

Следует обратить внимание на особенность алиментных обязательств родителей в отношении своих несовершеннолетних детей в отдельных мусульманских государствах. Так, согласно Хидоя, «в случае расторжения брака попечение о малолетних детях лежит на обязанности жены. Если расторгается брак между такими супругами, у которых есть малолетнее дитя, то право ухаживания за ним и охранения его предоставляется матери» [2]. Примером данной нормы, может служить следующее, так, одна женщина однажды обратилась к Пророку со словами, что отец ребенка хочет отнять у матери их ребенка и взять на

свое попечение, на что Пророк ответил, что мать имеет право на ребенка, нежели отец, так как мать является не только заботливой, но и кормящей ребенка с малолетства, что, прежде всего, является выгодным для ребенка. То есть, проанализировав нормы Хидоя, можно сделать вывод, что если речь идет о том, кем будет воспитываться и содержаться ребенок, то приоритет возлагается прежде всего на мать ребенка, так как она его выносила, родила. Но есть одно условие, при наступлении которого, попечитель ребенка теряет право на воспитание и содержание ребенка, это вступление в брак с посторонним человеком, так как когда оставление ребенка при ней не представляется ни благоразумным, ни желательным, если только личность, с которою она вступает в брак, не родственник ребенка. Думается, что данная норма совершенно справедливо упоминается в комментарии мусульманского права, потому что новый муж женщины, на которую возложена обязанность по содержанию ребенка, будет плохо относиться к такому ребенку. Например, «когда мать, имеющая попечение о малолетнем, вступает в брак с дядею его с отцовской стороны потому что от этого мужчины можно ожидать достаточной заботливости, так как он заменяет ему собою отца...» [2]. Муж обязан содержать свою семью, в том числе, жену и детей, содержание должно быть соразмерно с общественным положением и состоянием супругов. При определении размеров выплат должно быть принято во внимание общественное положение и состояние, как ее, так и мужа. Так, если оба супруга богаты, то он обязан содержать ее и детей пышно, если они оба бедны, то и содержание должно быть соответственно такое же, но если же он богат, а она бедна, то он должен давать ей умеренное содержание, такое, которое ниже богатого и выше бедного [2].

Согласно Семейного Кодекса (далее – СК) Марокко: «отец оплачивает содержание своих детей, пока они не достигнут совершеннолетия. В любом случае содержание, выплачиваемое дочери, не прекращается, пока она сама не сможет заработать себе на жизнь, или пока ее содержание не становится обязанностью мужа. Отец должен всегда оплачивать содержание детям, страдающим физическими недостатками и не способным самостоятельно зарабатывать себе на жизнь» [3, ст. 198]. Думается, что подход Марокканского законодателя в области применения нормы о том, что отец должен содержать свою дочь до момента пока она не будет трудоустроена или до момента вступления ее в брак, является наиболее актуальной, так как, рассмотрев нормы регулирующие алиментные обязательства родителей по отношению к своим несовершеннолетним детям в нескольких странах, видно, что на муже лежит обязанность по содержанию детей и жены, что является правомерным, так как мужчина выступает главным кормильцем семьи. Также, присоединяясь к позиции законодателя о том, что отец непосредственно обязан уплачивать денежные средства на содержание детей, страдающих физическими или психическими недостатками, следует отметить, что люди, страдающие такими отклонениями не способны самостоятельно зарабатывать денежные средства на свое содержание. В случае если отец вообще не может выплачивать содержание своим детям или может выплачивать его только частично, а мать обладает большими средствами, она и становится ответственной за выплату той суммы содержания, которую не может выплатить отец [3, ст. 199]. С данной нормой трудно согласиться, так как если предположить, что отец умышленно скрывает свой доход и находится в разводе со своей женой, тогда жена должна самостоятельно без помощи мужа содержать своих детей, что на наш взгляд отражает некое негативное отношение мужа по поводу отношений между ним и ребенком. Также, если оба родителя должны участвовать в воспитании и содержании своих детей, то какую часть по воспитанию и содержанию ребенка будет принимать отец, если все расходы по содержанию ребенка будут возложены на мать?! Постановление суда о выплате содержания детям действует с даты, когда его отказались выплачивать [3, ст. 200]. То есть, если правильно понимать данную норму, то, до того, как обратиться в суд с требованием о выплате содержания детям, между сторонами существует некое соглашение о выплате алиментов в добровольном порядке, и только после того, как соглашение в добровольном порядке перестает действовать, а именно, например одна из сторон уклоняется от выплат алиментов, то тогда заинтересованная сторона обращается в суд с требованием о взыскании алиментов в принудительном порядке, но в СК Марокко нет понятия, что представляет собой соглашение о выплате алиментов, то есть, думается, что это может быть письменное согласие на предоставления денежного содержания, либо же наоборот, устный договор совершенный при свидетелях. Согласно СК Марокко, «если кто-то, кто ответственен за содержание ребенка, перестает выплачивать содержание без веской на то причины в течение срока, который превышает один месяц, его начинают преследовать по закону согласно положениям, касающихся невыполнения обязательств по отношению к своей семье» [3, ст. 202].

Рассмотрим пример, связанный с взысканием алиментов на несовершеннолетнего ребенка с гражданина Сербии. Гражданка А. из г. Ульяновска обратилась в районный суд по месту жительства с требованием о вынесении Определения о временном взыскании с ответчика в твердой денежной сумме

алиментов на ребенка в размере прожиточного минимума по РФ, установленного для детей. Определением суда в удовлетворении требований было отказано, так как, отказывая, суд сослался на положения Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам и указал, что не вправе вынести постановление о временном взыскании алиментов до извещения проживающего в Сербии ответчика о времени и месте слушания гражданского дела по иску истицы. Обратившись далее в вышестоящие инстанции, истице было отказано, но лишь судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ удовлетворила кассационную жалобу истицы, при этом указав, что временное взыскание алиментов имеет особое значение, так как данная норма предоставляет законодательную гарантию прав несовершеннолетних на получение содержания в период рассмотрения судебного спора о взыскании алиментов, в ситуации, когда судебное разбирательство затягивается [4].

В соответствии с Мусульманским СК, «содержание маленьких детей, не имеющих своих средств, лежит на их отце, если же он беден, их обеспечение берет на себя материально состоятельная жена или же наиболее близкий состоятельный родственник, но если же за отца будут выплачивать алименты другие лица, то в дальнейшем, отец обязан выплатить такой долг перед лицами, которые уплачивали за него алиментное содержание. Таково же положение и взрослых детей, которые не в состоянии зарабатывать реально или условно. Обеспечение дочери продолжается до времени выдачи ее замуж и переезда в дом мужа, когда обязанность ее обеспечения ложится на мужа» [5, ст. 136]. Мусульманин обязан обеспечивать своих детей даже после развода, но также, отец должен выплатить компенсацию матери. Такому суждению есть пример в Коране: «которые веруют в сокровенное, совершают намаз и расходуют из того, чем Мы их наделили» [6]. Мухаммад-Басыр считает, что: «если же отец не платит, то женщина обращается к кадию (судье) и его принуждает к выплате алиментов шариатский суд. В условиях немусульманского государства, каковым является Россия, приходится действовать по законам российским» [7].

Согласно СК Таджикистана, «родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей...» [8, ст. 80]. Родители вправе выбрать способ уплаты алиментов, либо стороны в добровольном порядке разрешают данный вопрос, либо в принудительном порядке, а именно, путем обращения в суд. Следует отметить норму, заслуживающую внимания. Так: «при отсутствии соглашения родителей об уплате алиментов, при не предоставлении содержания несовершеннолетним детям, орган опеки и попечительства вправе предъявить иск о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей к их родителям» [8, ст. 80]. Считается, что это очень эффективная норма, которая позволяет государству в лице органов опеки и попечительства защитить интересы несовершеннолетних детей от неуплаты алиментов одним из родителей. Размер уплачиваемых алиментов в судебном порядке следующий: на одного ребенка – одна четверть, на двух детей – одна треть, на трех и более детей – половина заработка и иного дохода родителей [8, ст. 81]. Так, согласно указу Президента Таджикистан, минимальная заработная плата составляет 400 сомони в месяц [9, п. 1]. Если же перевести данную сумму на российский рубль, то минимальная заработная плата в республике Таджикистан составляет примерно 2800 рублей в месяц. То есть, если посчитать примерную сумму взыскания алиментов в судебном порядке на одного ребенка, то при минимальной заработной плате, ребенок будет получать 100 сомони в месяц, или около 700 рублей, если перевести на валюту РФ. В случае, когда родитель, обязанный уплачивать алименты, имеет нерегулярный или меняющийся заработок или иной доход, либо доход этого родителя определяется частично или полностью в иностранной валюте, либо при отсутствии у него заработка или иного дохода, а также в других случаях, когда взыскание алиментов в долевом отношении к заработку невозможно, затруднительно или существенно нарушает интересы одной из сторон, суд вправе определить размер алиментов, взыскиваемых ежемесячно, в твердой денежной. Если при каждом из родителей остаются дети, размер алиментов с одного родителя в пользу другого, менее обеспеченного, определяется в твердой денежной сумме, взыскиваемой ежемесячно [8, ст. 83]. Следует отметить, в СК республики Таджикистан более ответственно законодатель подходит к взысканию алиментов с родителей в пользу несовершеннолетних детей. Так, законодатель вводит норму, позволяющую определить, что если у каждого из родителей остаются дети, то тот родитель, который признается менее обеспеченным по отношению к другому, вправе получать от более обеспеченного родителя алименты в твердой денежной сумме. Согласно Постановлению Пленума Верховного суда республики Таджикистан, «размер алиментов в твердой денежной сумме, установленный судом, должен быть достаточным для удовлетворения привычных, а не ограничено необходимых потребностей ребенка, во-вторых, должен определяться исходя из реальных материальных возможностей родителя-плательщика с учетом необходимости обеспечения его собственного существования и членов его семьи на оставшиеся после уплаты алиментов средства. Материальное положение сторон в этих случаях определяется судом с учетом

всех источников, образующих их доход (например, наличие приусадебного участка, сада с которого ответчик получает доходы, наличие крупного рогатого скота и т. д.). Суд вправе определить размер алиментов в твердой денежной сумме, как по собственной инициативе, так и по требованию любой из сторон...» [10, п. 15]. Думается, что суды правомерно детализируют данную норму, так как размер алиментов должен быть определен исходя из материального положения сторон, например, у плательщика алиментов, имеется от нового брака несовершеннолетний ребенок, которому тоже требуется материальное содержание, соответственно, если одному ребенку платить алименты в большей сумме, то права другого ребенка будут ущемлены. Также, если у плательщика алиментов по независимым от него обстоятельствам произошла травма, связанная с потерей его трудоспособности, то суд, на наш взгляд должен также предусматривать данные обстоятельства, что плательщик не сможет выплачивать алименты в сумме, заявленной ранее, так как утратил трудоспособность.

Изучив нормы, регулирующие алиментные обязательства родителей по отношению к своим несовершеннолетним детям в мусульманских странах, можно сказать следующее, что мусульманские законодатели, четко и правомерно определяют роль ребенка в семье. Так как для мусульманских стран, ребенок — это продолжение рода, поэтому все делается для детей. Следует отметить, что в некоторых странах, законодатель подробно регламентирует правовые нормы, связанные с алиментными обязательствами родителей и детей, но в остальных же странах, законодатель достаточно скудно дает понятия о алиментах вообще, указывая только тот факт, что родители обязаны содержать своих детей, примером может послужить в СК Марокко, СК Малайзии. Мусульманские законодатели в основном приравнивают содержание жены и содержание детей к единому виду уплаты денежных средств, думается, что если разграничить данные выплаты, то возможно, нормы, регулирующие алиментные обязательства родителей и детей были бы достаточно подробно регламентированы, что в дальнейшем не приводило бы к возникающим на практике спорным вопросам.

Список литературы

1. Кулиев Э. Коран. Нассир аль-Катами 1. Ан-Ниса 4:5 / Э. Кулиев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://quran-online.ru/4:5>
2. Хидоя. Комментарии мусульманского права: том 1 часть 2 [Электронный ресурс] // Библиотека Пашкова. – Режим доступа: <http://www.worldislamlaw.ru>
3. Марокканский семейный кодекс (Мудавана) от 5 февраля 2004 г. [Электронный ресурс] // Библиотека Пашкова. – Режим доступа: <http://www.worldislamlaw.ru>
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 октября 2013 г. № 80-КГ13-10 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
5. Мусульманский семейный кодекс от 14 февраля 2012 года [Электронный ресурс] // Библиотека Пашкова. – Режим доступа: <http://www.worldislamlaw.ru/?p=871>.
6. Аятов Тафсир. 3-5 суры «Аль-Бакара». Описание верующих / Тафсир Аятов// К исламу знания прежде слов и дел. – 2015. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://toislam.ws/articles/articlestafsir/tafsir_ayatov_3_5_sury_al_bakara_opisanie_veruyushih.
7. Проблема алиментов в Исламе [Электронный ресурс] // Islam online. – Режим доступа: <http://islamonline.ru>
8. Семейный кодекс республики Таджикистан: закон республики Таджикистан от 13 ноября 1998 года № 682 (ред. 24.02.2017) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30445181#pos=1;-64.
9. О мерах по усилению уровня социальной защищённости населения, увеличению действующих должностных окладов государственных служащих, работников бюджетных учреждений, организаций, размеров пенсий и стипендий: указ Президента республики Таджикистан от 06.06.2016 № 697 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.tj/ru/node/12040>.
10. О применении судами Семейного кодекса Республики Таджикистан при рассмотрении дел о взыскании алиментов на содержание детей: постановление пленума Верховного суда республики Таджикистан от 16.12.2004 № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://p.120-bal.ru/doc/22535/index.html>.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Красилова Н.В., Рейдель Л.Б.

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема

Анализируя существующие источники института компенсации морального вреда в гражданском законодательстве, научные изыскания, правоприменительную практику в данной отрасли права, можно наметить ряд путей решения проблемы установления размера компенсации морального вреда при рассмотрении гражданских дел определенных, наиболее актуальных для судов общей юрисдикции категорий.

В силу особой социальной значимости правоприменительная практика компенсации морального вреда, причиненного вследствие посягательства на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага – является наиболее показательной. Основной вид вреда здесь – это вред, причиненный жизни и здоровью.

Численность потерпевших вследствие причинения вреда жизни и здоровью значительна во всех категориях: счет идет на десятки тысяч людей. Так, согласно официальной статистике ГИБДД, за 8 месяцев 2108 года в России в результате одних только дорожно-транспортных происшествий погибло более 16 тысяч человек. В соответствии со статистическими данными Министерства труда и социальной защиты за 8 месяцев 2017 года зафиксирован 3731 случай производственного травматизма с тяжелыми последствиями, также 1151 случаев смерти на производстве. По статистике Следственного комитета за этот же период в следственных органах Следственного комитета Российской Федерации зарегистрировано 2516 сообщений о преступлениях, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащим оказанием медицинской помощи, по результатам их рассмотрения возбуждено 419 уголовных дел.

Право на защиту и на компенсацию нематериальных благ принадлежит не только самому субъекту нарушенного права, но и, в случае его смерти, может быть реализовано и другими лицами, в случаях и в порядке, предусмотренных законом (часть 2 статьи 150 ГК РФ). Если говорить о моральном вреде, право на компенсацию возникает как непосредственно у потерпевшего при причинении вреда его здоровью, так и у тех лиц, которые испытывают физические и нравственные страдания в связи со смертью потерпевшего, и возникает на основании норм ГК РФ (статей 151 и 1100 ГК РФ).

Законом установлено, что при определении размера компенсации морального вреда суд должен основываться на принципах разумности и справедливости.

При этом критериев для общего подхода к определению разумности и справедливости законом не установлено. В связи с тем, что принцип независимости судей предполагает их право на собственное мнение при оценке обстоятельств дел, открывается простор для неравномерной практики назначения размеров денежных компенсаций морального вреда, а также для правовой неопределенности.

Различия в минимально и максимально присуждаемых компенсациях в судебной практике Российской Федерации колоссальные.

По данным исследования, проведенного адвокатской конторой «Гражданские компенсации» при поддержке Федеральной палаты адвокатов РФ по 2279 делам, представленным от 63 адвокатских образований из 25 регионов РФ, рассмотренным в период с 2015 по 2017 годы различия доходят до 3127 раз (по категории тяжкого вреда) и в 67 раз – по категории легкого вреда.

Так, размеры компенсации морального вреда по степени причиненного ущерба жизни и здоровью составили: при смертельном исходе от минимальных 5000 рублей до максимальных 8500 000 рублей, при тяжком вреде здоровью – от 1000 рублей до 3126000 рублей, при средней тяжести вреда здоровью – от 5000 до 500000 рублей, при легком вреде здоровью – от 3000 рублей до 200 000 рублей. По источнику причинения вреда: в результате преступлений – от 3000 до 8500000 рублей, вследствие трудовых увечий – от 10000 до 3126800 рублей, в результате ДТП – от 3000 до 2000000, по иным причинам – от 1000 до 1500000 рублей.

Очевидно, что такие различия не могут отвечать требованиям разумности и справедливости.

Значительный разрыв по приведенным данным показывает, что судебная практика по шкале присуждаемого морального вреда не сформирована.

Таким образом, с учетом подтверждаемой неопределенности столь общего законодательного регулирования компенсации морального вреда, которая приводит к колоссальным разрывам в назначаемых суммах и, тем самым - к нарушениям конституционных прав граждан, законодателю необходимо четким образом установить конкретные рамки и/или суммы-ориентиры, которые будут положены в основу выносимых судебных решений.

Для определения рамок и/или ориентиров законом могут быть определены различные показатели. Но представляется целесообразным в правоприменительной практике опираться на классификацию М.Н. Малеиной, в соответствии с которой право на жизнь и здоровье является главенствующим немущественным благом и которая определяет следующие степени нравственных страданий: 1-я степень — легкие страдания, выражающиеся в обычных ситуативных нравственных эмоциях; кратковременные и не оставляющие глубокого следа последствия; 2-я степень — страдания средней тяжести, длительные по продолжительности, оказывающие влияние на психическое и физическое благополучие личности в ситуациях, вызывающих воспоминание о вредоносном воздействии, не приводящие к болезненным психическим изменениям; 3-я степень — тяжкие страдания, имеющие симптоматику пограничных психических расстройств, требующие специального психолого-психиатрического лечения; 4-я степень — особо тяжкие страдания, приводящие к трансформации личности человека (психическая болезнь с возможными моментами ремиссии или частичным осознанием произошедшего); 5-я степень — страдания заблокированы ситуацией полного распада личности. Перед судом возникает важная проблема — проверить заявление процессуального участника о перенесенных им нравственных страданиях.

В гражданском процессе (ст. 79 ГПК РФ) одним из источников доказательств является заключение эксперта. Для определения психического состояния лиц с соматическими заболеваниями может быть назначена комплексная судебная медико-психологическая экспертиза.

В определении понятия «физические страдания» приняли участие многие известные российские ученые: А. М. Эрделевский, К. И. Голубев, С. В. Нарижный, М. Н. Малеина, Д. И. Гуцин и другие, которые определили данное понятие следующим образом: физические страдания — это негативные ощущения: боль, удушье, тошнота, зуд, головокружение и иные болезненные симптомы. Понятие «физические страдания» должно полностью отвечать требованиям логической конструкции ст. 1101 ГК РФ. Эти ученые-правоведы считают, что при оценке степени испытываемых потерпевшим физических страданий при нанесении вреда здоровью можно использовать критерии, применяемые в уголовном праве.

В ныне действующем уголовном законодательстве РФ традиционное понятие «телесные повреждения» заменено понятием «повреждение здоровья», которое является более широким, охватывающим не только вред здоровью в виде телесных повреждений, но и вред, возникающий от воздействия других факторов среды. В исследованиях ученых определяются следующие уровни физических страданий: 1-й уровень — физические страдания неосознательны, т. к. являются продуктом физического вреда, практически не имеющего последствий для организма – ткани и функции легко и быстро восстанавливаются; 2-й уровень — физические страдания являются результатом деформирующего воздействия на организм, но ткани и функции восстанавливаются за счет взаимозаменяемости; 3-й уровень — физические страдания являются следствием таких нарушений в организме и функциях человека, которые восстанавливаются только частично (например, признаки вреда средней тяжести); 4-й уровень — физические страдания являются результатом невосстановимых нарушений в организме (например, признаки степени тяжкого вреда); 5-й уровень — физические страдания сопряжены с полной беспомощностью пострадавшего. Поэтому обязательным условием при рассмотрении гражданских судебных дел по вопросам компенсации морального вреда является проведение медицинской экспертизы: временной нетрудоспособности; медико-социальной; военно-врачебной; судебно-медицинской; судебно-психиатрической; независимой медицинской, с помощью которой можно с достаточной степенью достоверности установить размер (объем) физических страданий.

В настоящее время некоторые ученые-правоведы предлагают свои методики определения размера возмещаемого морального вреда. Наиболее предпочтительной разработанной и объективной представляется методика А. М. Эрделевского. С точки зрения исследователя, моральный вред возникает вследствие противоправного умаления благ и ущемления прав. Наиболее выраженной мерой ответственности, применяемой государством за совершение правонарушения, является наказание. Поэтому разумно предположить, что соотношение максимальных санкций норм ГК РФ наиболее объективно отражает общественную значимость ограничиваемых благ. Автор использует эти соотношения для определения размера возмещаемого морального вреда, заключающегося в страданиях, которые должен испытывать

«средний» человек в результате совершения в отношении него соответствующего противоправного деяния. По существу, презюмируемый моральный вред представляет собой общественную оценку противоправного деяния. При рассмотрении конкретного дела размеры возмещения такого вреда могут меняться как в большую, так и в меньшую сторону в зависимости от конкретных обстоятельств. Определенная таким образом денежная сумма составит размер возмещения действительного морального вреда. При этом величина размера возмещения действительного морального вреда не должна отклоняться от размера возмещения презюмированного морального вреда в сторону увеличения более чем на 50 %. Эти положения составляют основу предлагаемой методики. Размер возмещаемого морального вреда при причинении тяжких телесных повреждений, соединенных с мучениями и истязаниями, принимается за относительную единицу. Абсолютный размер такого возмещения равняется 720-кратному размеру установленной законом МЗП (минимальной заработной платы) на момент совершения преступления. 720 МЗП — это заработок физического лица за 10 лет при размере месячного заработка 6 МЗП. Такой средний размер МЗП можно считать наиболее стимулируемым государством. Подобный вывод следует из законодательства о налогообложении. Анализируя методику А. М. Эрделевского, считаем необходимым внести изменение в понятие «среднего» человека. На наш взгляд, не может браться в расчет данное понятие, поскольку каждый человек индивидуален, и усредненный подход к определению размера компенсации морального вреда не может объективно учитывать его индивидуальные особенности, что способствует уходу от ответственности (в денежном отношении) причинителя вреда. Для восстановления объективной действительности необходимо МЗП заменить на размер средней заработной платы по региону, где проживает потерпевший. В настоящее время размер СЗП в полной мере учитывает все индивидуальные особенности трудоспособного гражданина и является объективным денежным критерием, который необходимо внести в существующую методику А. М. Эрделевского. В отношении нетрудоспособных граждан считаем необходимым для определения размера компенсации морального вреда использовать размер прожиточного минимума, установленный в регионе по месту жительства потерпевшего.

Таким образом, решая вопрос об определении рамок и/или ориентиров установления размера компенсации морального вреда, представляется целесообразным главу 59 ГК РФ дополнить статьей 1102: «Вред жизни и здоровью. Размеры компенсации морального вреда». В основу статьи следует положить градацию степеней нравственных и физических страданий, разработанную исследователями-правоведами, и установить максимальный размер компенсации морального вреда для пятой степени нравственных и физических страданий равный 120-кратному размеру средней заработной платы по региону на момент причинения физических и нравственных страданий для работающих граждан-потерпевших (120 СЗП - это заработок физического лица за 10 лет при размере среднего месячного заработка по региону) и 120-кратному размеру прожиточного минимума, установленному в том регионе, где проживает неработающий потерпевший гражданин, которые могут быть увеличены или уменьшены по усмотрению суда, но не более, чем на 50%. Для четвертой и третьей степеней нравственных и физических страданий установить максимальные размеры для работающих граждан, равные 96 - кратному размеру средней заработной платы по региону на момент причинения физических и нравственных страданий для работающих граждан-потерпевших (96 СЗП - это заработок физического лица за 8 лет при размере среднего месячного заработка по региону) и 96 - кратному размеру прожиточного минимума, установленному в том регионе, где проживает неработающий потерпевший гражданин, который также может быть увеличен или уменьшен по усмотрению суда, но не более, чем на 50%. Определение размера компенсации морального вреда за легкий вред здоровью возможно оставить на усмотрение суда.

Таким образом, возможно, устранить существующие в настоящее время противоречия в законодательстве и правоприменительной практике по определению размера компенсации морального вреда.

Список источников и литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) : офиц. текст ФЗ от 30.11.1994 № 51 – ФЗ. – СПС Консультант Плюс.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) : офиц. текст ФЗ от 26.01.1996 № 14 – ФЗ. – СПС Консультант Плюс.

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : офиц. текст ФЗ от 14.11.2002 № 138–ФЗ. – СПС Консультант Плюс.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации : офиц. текст ФЗ от 30.12.2001 № 197 –ФЗ. – СПС Консультант Плюс.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации : офиц. текст ФЗ от 13.06.1996 № 63 –ФЗ. – СПС Консультант Плюс.
6. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда : офиц. текст постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 г. – СПС Консультант Плюс.
7. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации : офиц. текст постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. – СПС Консультант Плюс.
8. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 г. – СПС Консультант Плюс.
9. О применении судами Российской Федерации трудового кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 г. – СПС Консультант Плюс.
10. Малейна, М. Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав / М. Н. Малейна // Государство и право. —2014 г. — № 7. — С. 28 — 45.
11. Фаст, И. В. Компенсация морального вреда при причинении вреда жизни и здоровью: практические итоги после 25 лет существования института в РФ./ И. В. Фаст. — М. : Федеральная палата адвокатов, 2017. — 119 с.
- 12 <http://www.cdep.ru>.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ФОРМЕ ПЕРЕВОДА ИЛИ ПЕРЕРАБОТКИ В РАКУРСЕ ПРИНЦИПА СОЧЕТАНИЯ ЛИЧНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ В РОССИЙСКОМ АВТОРСКОМ ПРАВЕ

Сосипатрова Н.Е.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

Принцип сочетания личных интересов автора с общественными интересами, будучи проявлением более широкого правового принципа соблюдения баланса частных и общественных интересов, в авторском праве является краеугольным камнем. Он нашел свое отражение, в частности, в преамбуле Договора ВОИС по авторскому праву (г. Женева, 20 декабря 1996 года) [2], в которой говорится о необходимости «сохранения баланса прав авторов и интересов широкой публики, в частности, в области образования, научных исследований и доступа к информации». Поскольку Российская Федерация является участницей данного соглашения, указанная норма Договора, вступившего в силу на ее территории 5 февраля 2009 года, является частью отечественной правовой системы.

Личный интерес автора состоит в возможности монопольного использования созданного произведения. Общественный интерес – в возможности более широкого использования результатов творческой деятельности авторов в культурных, образовательных, просветительских, научных и иных целях свободно (то есть без согласия автора). Установление баланса между этими интересами является одной из задач авторского права, которая по-разному решается законодателем в зависимости от политико-правовых предпосылок, социально-экономических условий и запросов общества. Проследим с точки зрения решения данной задачи динамику развития правового регулирования отношений по использованию произведений в форме перевода и переработки в отечественном авторском праве.

В первые годы советской власти, когда надо было поднимать общий образовательный и культурный уровень населения, Декретом ЦИК от 29 декабря 1917 года «О государственном издательстве» [8] была предусмотрена возможность объявлять государственную монополию на определенные произведения (прежде всего – произведения русских классиков) сроком до 5 лет. Следующим шагом в этом же направлении был Декрет СНК от 26 ноября 1918 года «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием» [9], который позволял признавать государственным достоянием уже любые произведения, причем в том числе и неопубликованные. Правда,

за использование таких произведений авторы имели право на получение гонорара по установленным государством ставкам, однако ни о каком праве автора давать или не давать другим лицам согласие на использование произведения (в том числе в форме перевода или переработки) при объявлении его государственным достоянием речь, конечно, не шла.

Названные Декреты, безусловно, не преследовали цель установления баланса между личными интересами авторов и общественными. Они были созвучны ленинскому лозунгу «Искусство принадлежит народу!» и приняты в русле проводимой в стране политики военного коммунизма, характеризующейся национализацией промышленности, государственной монополизацией многих отраслей сельского хозяйства, внешней торговли, тотальным уравнильством. Во главу угла были поставлены интересы государства на этом этапе его развития.

Законом РСФСР от 28 октября 1928 года «Об авторском праве» [10] за авторами признавалось исключительное право на результат их творческого труда, которое предполагало использование произведений на договорной основе. Вместе с тем существовал многочисленный перечень случаев использования произведений без согласия автора, в который были включены, в том числе, перевод произведения на другой язык и использование произведения для создания нового, существенно от него отличающегося.

Принятый несколько десятилетий спустя Гражданский кодекс РСФСР 1964 года [3] по-прежнему предусматривал перевод изданного произведения «на другой язык без согласия, но с уведомлением автора при условии сохранения целостности и смысла произведения» (ст. 489).

Такой подход законодателя отличался от предоставления прав авторам в странах с развитой системой законодательства об интеллектуальных правах, но вполне согласовывался с авторитарным режимом советского государства, при котором права личности никогда не представляли особой ценности и тем более не шли ни в какое сравнение с общественными интересами.

Такое положение сохранялось до присоединения Советского Союза к Всемирной (Женевской) конвенции об авторском праве (г. Женева, 6 сентября 1952 года) [7], в ст. V которой закреплено исключительное право автора на перевод. Советский Союз стал ее участником с 27 мая 1973 года. И с этой же даты в содержание права советских авторов на использование произведения было включено право на перевод. В названной статье Конвенции предусматривалась возможность ограничения данного права автора внутренним законодательством стран-участниц Конвенции путем установления механизма выдачи при определенных условиях принудительной лицензии на перевод и выпуск в свет переведенного произведения. Однако ни Советский Союз, ни впоследствии Российская Федерация не ввели в авторское право такого ограничения.

Право на переработку произведения, под которой понимается создание производного произведения – обработки, экранизации, аранжировки, инсценировки и тому подобного – было отнесено к исключительному праву автора на использование произведения гораздо позднее, чем право на перевод. Гражданский кодекс РСФСР 1964 года допускал использование чужого изданного произведения в форме переработки без согласия автора, кроме некоторых форм переработки, указанных в п. 1 ст. 492.

Впервые право на переработку было включено в содержание права на использование произведения Основами гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 года [4] (ст. 135) (далее – Основы). Причиной для этого послужило стремление Советского Союза присоединиться к Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений (г. Берн, 9 сентября 1886 г.) [1], предусматривавшей более высокий уровень защиты авторских прав, чем Гражданский кодекс РСФСР. Надо было решать вопрос о приведении отечественного законодательства в соответствие с требованиями мировых стандартов, предусмотренных международными конвенциями по авторскому праву и смежным правам.

Если учесть, что некоторые формы переработки произведений (а именно – переработка повествовательного произведения в драматическое либо в сценарий и наоборот, а также переработка драматического произведения в сценарий и наоборот) и до этого могли осуществляться только с согласия автора, то с некоторой долей условности можно сказать, что Основы расширили право на переработку произведения, включив в его содержание все виды произведений и все виды их переработки.

Впоследствии право на переработку произведения, также как и право на перевод, были воспроизведены в Законе РФ «Об авторском праве и смежных правах» [5] (ст. 16) и ныне предусмотрены в четвертой части Гражданского кодекса РФ [6] (подп. 9 п. 2 ст. 1270).

Говоря о закреплении на законодательном уровне права автора на перевод и права на переработку произведения, следует заметить, что названные правомочия реализуются авторами не как самостоятельные права, а в сочетании с иными правомочиями, например, с правом на воспроизведение, распространение, публичное исполнение, передачу в эфир произведения и другими. Осуществление перевода или иной переработки произведения кем бы то ни было для себя, не с целью дальнейшего использования переработанного произведения, не нарушает прав автора.

На примере авторских прав на перевод и переработку произведения видно, как под влиянием социально-экономических и политических условий в стране в принципе сочетания личных и общественных интересов в авторском праве советского периода долгое время доминировал публичный интерес. Процессы демократизации, постепенно нарастающие в стране, заставляли законодателя менять свой взгляд на соотношение личных и общественных интересов в регулировании авторско-правовых отношений в целом и рассматриваемых правомочий автора в частности. На сегодняшнем этапе развития российского авторского права можно говорить о том, что в установлении баланса личных и общественных интересов регулирование авторско-правовых отношений в полной мере соответствует принципам регулирования, принятым в большинстве развитых стран мира.

Список литературы

1. Бюллетень международных договоров, сентябрь 2003 г., № 9.
2. Бюллетень международных договоров, декабрь 2016 г. № 12.
3. Ведомости Верховного Совета РСФСР от 18 июня 1964 г., N 24. Ст. 406.
4. Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 733.
5. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ от 12 августа 1993 г. № 32. Ст. 1242.
6. Собрание законодательства РФ от 25 декабря 2006 г. № 52 (часть 1). Ст. 5496.
7. Собрание постановлений Правительства СССР. 1973 г. № 24. Ст. 139.
8. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 14. Ст. 201.
9. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1928. № 86. Ст. 900.
10. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1928. № 132. Ст.861.

СЕКЦИЯ №4.

ТРУДОВОЕ ПРАВО; ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

СЕКЦИЯ №5.

ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО; АГРАРНОЕ ПРАВО; ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

СЕКЦИЯ №6.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

СЕКЦИЯ №7.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЗАДЕРЖАНИЕМ ЛИЦ В РОССИИ И США

Гасилина А.А.

Следователь СО (по Советскому району) СУ УМВД России по г. Орлу, (г. Орел)

В статье автор рассматривает проблемные вопросы, связанные с задержанием лиц в России и США, а также проводит сравнительный анализ в данных правовых системах.

В настоящее время в связи с тяжелой политической обстановкой, массовыми войнами и надвигающимся новым экономическим кризисом, криминогенная ситуация в России и за рубежом особенно обострилась. Начиная с 2017 года, повсеместно увеличивается число совершенных преступлений а, следовательно, и задержания лиц в качестве подозреваемых, именно поэтому данная тема очень важна и актуальна на сегодняшний момент.

Правовая регламентация задержания лица, в качестве подозреваемого в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации не всегда существовала в той форме, в которой мы знаем ее в настоящее время и существенно отличалась от современного. Однако, разное толкование правоприменителями понятие «задержания» и «задержание подозреваемого» способствовало развитию неоднозначности взглядов на историю возникновения института задержания подозреваемого в российском праве.

Многие считают, что развитие института задержания подозреваемого берет свое начало еще в древнерусских источниках права. Так, первое упоминание о задержании лица встречается уже в конце XII начале XIII вв. в Русской правде. Данный свод законов содержал несколько статей, посвященных задержанию лица. Так, например, ст. 38 и ст.40 Краткой редакции Русской Правды предусматривают «задержание застигнутого на месте преступления вора с удержанием его там же до света и последующим сведением на княжий двор»¹. В дальнейшем институт задержания лица в качестве подозреваемого был усовершенствован в Псковской судебной грамоте 1462 г. Проанализировав данные источника права можно сделать вывод, что они впервые упоминают об институте задержания, а конкретно, о задержании лица как о действии, сущность которого состояла во взятии под стражу лица, попавшего под подозрение, с целью выяснения обстоятельств преступления. Начиная с этого периода, задержание лица проходило на законодательном уровне и со временем претерпевало многочисленные изменения. Так, нескончаемость потока изменений, происходящих в российском уголовно-процессуальном праве, свидетельствует о не точности и незавершенности реформы уголовного судопроизводства.

На сегодняшний момент задержание подозреваемого — мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления².

Сущность задержания или задержания лица, в качестве подозреваемого, состоит в кратковременном лишении подозреваемого в совершении преступления лица свободы, которое, в силу своей неотложности не требует для его применения судебного решения.

Закон устанавливает целый ряд гарантий законности и обоснованности задержания, четко регламентируя условия, основания, мотивы, сроки и порядок задержания. Так, основные гарантии закреплены в ст.91-96 УПК РФ.

Лицо может быть задержано только по подозрению в совершении такого преступления, за которое предусматривается наказание в виде лишения свободы при наличии одного из следующих оснований³:

- 1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;
- 2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление;
- 3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

При наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства,

¹ Российское законодательство X - XX вв. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 1. С. 49

² п. 11 ст. 5 УПК РФ

³ [ч. 1 ст. 91](#) УПК РФ

либо не установлена его личность, либо если следователем, с согласия руководителя следственного органа или дознавателем, с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

Так, согласно [ст. 94](#) УПК РФ срок задержания не может превышать 48 часов до судебного решения о применении судьей меры пресечения в виде заключения под стражу либо продления срока задержания в порядке п. 3 ч. 7 [ст. 108](#) УПК⁴. В соответствии с ч. 3 [ст. 128](#) УПК⁵ при задержании срок исчисляется с момента фактического задержания, т.е. момента производимого в порядке, установленном УПК, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления (п. 15 [ст. 5](#) УПК)⁶.

Важность четкого определения момента фактического задержания состоит не только в том, что с его наличием связывается начало течения 48-часового срока задержания, но и в том, что в силу сформулированной Конституционным Судом РФ конституционно-правовой позиции с этого момента задержанный имеет право на пользование услугами защитника и на реализацию прав, предусмотренных [ст. 46](#) УПК⁷. В момент фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, ему должно быть разъяснено право иметь защитника⁸.

Все сроки уголовно-процессуального задержания, за исключением срока составления протокола задержания, исчисляются с момента фактического задержания. Для правильного исчисления сроков требуется учитывать день, час и минуту фактического задержания.

Наибольшее количество споров вызывает такой случай, как задержание непосредственно на месте совершения преступления. Ряд авторов считает, что в таком случае срок задержания следует исчислять с момента доставления лица к следователю (дознавателю). Другие говорят о том, что в «момент фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления, его доставление, оформление протокола должны стать составной частью уголовно-процессуального задержания»⁹.

Указанная дискуссия ведется по причине того, что в тексте УПК РФ имеются расхождения в терминах – «момент фактического задержания» (п.п. 11 и 15 ст. 5, п. 3 ч. 3 ст. 49) и «момент задержания» (ч. 3 ст. 92, ч.ч. 2 и 3 ст. 94, ст. 96, ст. 100).

В ходе предварительного расследования нередки случаи возникновения процессуальных споров и обжалования подозреваемыми (обвиняемыми) исчисления времени их задержания должностными лицами правоохранительных органов. Нередко подозреваемые (обвиняемые) в совершении преступления при расхождении времени «фактического» и «процессуального» задержания обжалуют действия следователя (дознавателя) или указывают на их незаконность в ходе рассмотрения судом ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Уголовно-процессуальный кодекс регламентирует порядок задержания лишь с момента доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю, где в течение трех часов должен быть составлен протокол задержания. Однако, время доставления лица, подозреваемого в совершении преступления, к месту производства предварительного расследования не регулируется.

Проблема существования интервала времени между фактическим и процессуальным задержанием представляет собой так называемую «правовую пустоту», которая обсуждается авторами достаточно давно. Но до сих пор никаких положительных изменений в законодательство РФ внесено не было.

Как известно, для США характерна правовая особенность — на территории каждого штата действует законодательство данного штата, а при определенных условиях применяется федеральное законодательство. Кроме того, не все уголовно-правовые нормы в штатах кодифицированы, многие из них можно обнаружить в главах или разделах сводов законов или в отдельных законах¹⁰. Еще одной особенностью американского права является то обстоятельство, что в законодательстве США, в отличие от России, детально регламентируются условия правомерности применения физической силы, в том числе и при задержании лица. Так, например, ст. 9.51 УК Техаса «Арест и обыск» гласит: «Сотрудник

⁴ п. 3 ч. 7 [ст. 108](#) УПК РФ

⁵ ч. 3 [ст. 128](#) УПК РФ

⁶ п. 15 [ст. 5](#) УПК РФ

⁷ [ст. 46](#) УПК РФ

⁸ п. 3 ч. 4 ст. 46 УПК РФ

⁹ Абдрахманов Р.С. Понятие уголовно-процессуального задержания // Российский следователь. 2014. № 5. С. 18-22.

¹⁰ Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сборник законодательных материалов / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2012.

правоохранительного органа или лицо, действующее в присутствии и в соответствии с указаниями такого сотрудника правоохранительного органа, оправданно применяет насилие в отношении другого в случаях и в таких пределах, в которых, как такой деятель разумно полагает, такое насилие является тотчас необходимым для производства или содействия аресту или обыску или для предотвращения побега после ареста...»¹¹. В части (Б) прямо говорится о возможности применения силы при задержании обычным гражданином: «Лицо, иное, чем сотрудник правоохранительного органа (или лицо, действующее в соответствии с указаниями сотрудника правоохранительного органа), оправданно применяет насилие против другого в случаях и в таких пределах, в которых, как такое лицо разумно полагает, такое насилие является тотчас необходимым для производства или содействия законному аресту... если до применения насилия такое лицо объявляет о своем намерении и основаниях произвести арест или разумно полагает, что его цель и основания ареста заведомо известны лицу, подвергаемому аресту, или когда объявление цели и оснований ареста не представляется разумно возможным»¹². Эта же статья регламентирует основания причинения вреда здоровью или даже смерти задерживаемому: «Сотрудник правоохранительного органа оправданно применяет смертоносную силу в отношении другого в случаях и в таких пределах, в которых... разумно полагает, такая смертоносная сила тотчас необходима для производства ареста или для предотвращения побега после ареста и: (1) деятель разумно полагает, что действия, за совершение которых необходим арест, включали применение или покушение на применение смертоносной силы; или (2) деятель разумно полагает, что существует значительная опасность того, что лицо, подвергаемое аресту, причинит смерть или тяжкий телесный вред этому деятелю или другому, если арест не будет произведен незамедлительно»¹³.

Она позволяет исключить как произвол со стороны полиции, так и необоснованное сопротивление со стороны задерживаемых, осознающих возможность применения по отношению к ним не просто физической силы, то есть причинения вреда здоровью, собственности, свободе, но и смерти. Это в определенной степени не только облегчает работу американских полицейских, но и позволяет уменьшить количество случаев причинения вредных последствий для самих задерживаемых. Так, строгость и скрупулезная регламентированность законодательства помогают избежать излишнего вреда в указанных случаях.

При этом пределы применения насилия при задержании определяются характером совершенного задерживаемым преступления, обстановкой задержания и разумной необходимостью, что не может благотворно не сказаться на правоприменительной практике в сфере борьбы с преступностью.

Законодательство США более подробно и объемно, но, даже смотря на это, на практике часто возникают проблемы при задержании лица. До сегодняшнего дня в законодательстве США нет единого понимания о соотношении ареста и задержания. Так, например, закон штата Нью-Йорк считает, что задержание не является арестом потому, что согласно Конституции США¹⁴ арест может быть осуществлен по судебному ордеру, т.е. с ведома суда, а полиции можно производить краткосрочное задержание без судебного разрешения. Для задержания требуется меньше оснований полагать, что лицо совершило преступление. Таким образом, правовая регламентация задержания и ареста в США предоставляют полиции весьма широкие дискреционные полномочия их реализации. Отрицательной стороной подобной ситуации (помимо сознательных злоупотреблений) является, прежде всего, то, что аресты и задержания нередко проводятся тогда, когда они функционально бессмысленны.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что, не смотря на достаточно подробное регулирование института задерживания лица, казусы и пробелы встречаются как в Российском законодательстве, так и в законодательстве США. Правовая система России и США значительно отличаются друг от друга, но для обеих правовых систем характерно то, что как в российском уголовном процессе, так и в уголовном процессе США задержание состоит в кратковременном лишении свободы и, безусловно, является самой жесткой мерой воздействия на человека со стороны государства.

---

¹¹ Уголовный кодекс штата Техас / науч. ред. И.Д. Козочкин; пер. с англ. Д. Г. Осипова, И.Д. Козочкина. СПб., 2006, с. 110—111.

¹² Уголовный кодекс штата Техас / науч. ред. И.Д. Козочкин; пер. с англ. Д. Г. Осипова, И.Д. Козочкина. СПб., 2006, с. 110—111.

¹³ Уголовный кодекс штата Техас / науч. ред. И.Д. Козочкин; пер. с англ. Д. Г. Осипова, И.Д. Козочкина. СПб., 2006, с. 111—112.

¹⁴ Конституция США действующая редакция. Взято из электронного источника: <http://mirznanii.com/a/184910/konstitutsiya-ssha-tekst-perevedyennyu-na-russkiy-yazyk>.

Список литературы

1. Абдрахманов Р.С. Понятие уголовно-процессуального задержания // Российский следователь. 2014. № 5. С. 18-22..
2. Конституция США действующая редакция. Взято из электронного источника: <http://mirznani.com/a/184910/konstitutsiya-ssha-tekst-perevedyennyu-na-russkiy-yazyk>.
3. Российское законодательство X - XX вв. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1991. Т. 1. С. 49.
4. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сборник законодательных материалов / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2012.
5. Уголовный кодекс штата Техас / науч. ред. И.Д. Козочкин; пер. с англ. Д. Г. Осипова, И.Д. Козочкина. СПб., 2006, с. 110—112.
6. УПК РФ// Справочная система Консультант плюс http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РФ СО СЛЕДОВАТЕЛЕМ

Замашанская А.Ю.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

На протяжении последних лет в Российской Федерации наблюдается стабильно высокий уровень преступности, а также прослеживается тенденция к увеличению количества совершаемых преступлений.

Современная обстановка и уровень преступности требуют от правоохранительных органов принятия соответствующих мер, одной из которых служит активное применение средств и методов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД). Сейчас, пожалуй, уже практически никто не ставит под сомнение, что без инструментария ОРД отечественному уголовному процессу невозможно расследовать и раскрыть большинство тяжких и особо тяжких преступлений [5, с. 126].

Эффективность деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и следователей определяется: во-первых, общностью целей работы, проявляющихся в виде защиты прав и законных интересов личности, общества и государства; во-вторых, наличием особых и только им присущих способов предупреждения, выявления, расследования и раскрытия преступлений.

В юридической литературе традиционно выделяют следующие формы взаимодействия следователя и органов ОРД:

- Процессуальная, которая регламентируется УПК РФ. К таковой, например, относится выполнение поручений следователя, совместная деятельность в составе следственно-оперативных групп, оказание содействия при производстве процессуальных действий и др.

- Организационно-тактическая (непроцессуальная) форма, предусмотренная ведомственными нормативными актами: согласованное планирование следственных, оперативно-розыскных и розыскных действий, совместное выступление перед населением и (или) проведение профилактических мероприятий, межведомственные оперативные совещания работников прокуратуры, следователей, сотрудников учреждений, наделенных статусом органа дознания, совместное проведение занятий и т. д. [9, с. 378]

Необходимо обратить внимание: наработанные оперативными подразделениями некоторые материалы, перед тем как попасть в уголовное дело, должны пройти так называемую процедуру легализации, которая направлена на предание гласности (рассекречивание) оперативной информации с сокрытием при необходимости сведений и источников их получения.

Оформление необходимых документов, материалов и иных объектов, полученных при проведении ОРМ, с соблюдением мер по сохранности и целостности. Фактическая передача результатов ОРД посредством пересылки по почте, передачи нарочным или другим способом, который избирается органом, осуществляющим ОРД, в каждом конкретном случае с учетом требований нормативных правовых актов, регулирующих организацию делопроизводства [8, с. 125]. Поскольку результаты оперативно-розыскной деятельности находятся вне урегулированной уголовно-процессуальным законом сфере, то, получив их, следователь в силу со ст. 89 УПК РФ [1] может использовать данные результаты в доказывании лишь при

условии их соответствия доказательственным свойствам относимости, допустимости и достоверности.

Реализация уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности имеет свою специфику, обусловленную повышенной опасностью преступления и, как правило, тяжестью наступающих в результате их совершения последствий. В настоящее время терроризм представляет повышенную опасность для любого государства в современном мире. В настоящее время преступная деятельность, в том числе террористических группировок, продолжает оставаться одним из ведущих факторов дестабилизации сложившейся в России социально-политической ситуации.

Статистические данные свидетельствуют о том, что на фоне относительной стабильности количества возбужденных и раскрытых преступлений общего характера существуют проблемы по раскрываемости преступлений террористической направленности, причем в условиях заметного роста количества возбужденных уголовных дел.

В январе - ноябре 2018 года зарегистрировано 1566 преступлений террористического характера (что на 12,7% меньше за аналогичный период прошлого года) и 1238 преступлений экстремистской направленности (-13,1%) [6].

Производство уголовного преследования, в том числе о преступлениях террористического характера, является не только уголовно-процессуальным, но и оперативно-розыскным процессом.

В необходимых случаях результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить основанием для применения мер безопасности участников уголовного преследования. Осуществление по поручению следователя гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий: обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (оперативный осмотр); проведение подворных (поквартирных) обходов; составление и рассылка субъективных портретов преступников; расспросы граждан, получение от них заявлений и объяснений; проверка лиц по оперативным учётам и системам уголовной регистрации; прочесывание местности; организация засад и заградительных мероприятий; рассылка различного рода запросов; истребование и изучение документов; использование средств массовой информации; фиксация записей переговоров, следует считать начальным моментом уголовного преследования преступлений террористического характера [4, с. 155].

Другими словами, близкое взаимодействие следователя и органа, осуществляющего ОРД, является залогом последующего раскрытия преступления, желаемого результата уголовного преследования в досудебном производстве уголовного судопроизводства.

Практика показывает, что успешное расследование большинства террористических преступлений во многом зависит от эффективности взаимодействия следователя и органов дознания, однако качество расследования многих тяжких преступлений нередко остается низким, в том числе и из-за того, что следователями «очень часто не обеспечивается должное взаимодействие с оперативно-розыскными органами» [7, с. 198].

В соответствии с и. 9 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [3] следователь вправе давать полиции поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, поскольку положения и. 10 ст. 13 Закона «О полиции» [3] наделяют полицию правом проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Среди процессуалистов отсутствует единство взглядов и по вопросу о том, вправе ли следователь указывать в своём поручении конкретные оперативно-розыскные мероприятия, которые должны быть произведены органом дознания. Соглашаясь с тем, что оперативно-розыскные мероприятия оперативное подразделение производит самостоятельно, отметим, главной задачей следователя является уголовное преследование, направленное на изобличение лица в совершении преступления.

Если следователь приходит к выводу о необходимости производства судебной экспертизы, то выносит об этом постановление, указывая в нем вопросы, поставленные перед экспертом (ст. 195 УПК РФ [1]). В свою очередь эксперт в заключении, указывая на вопросы, поставленные перед ним, отражает выводы по ним и свое обоснование (ст. 204 УПК РФ [1]). Как видно, в данном случае прослеживается прямое указание следователя эксперту в отношении производства судебной экспертизы.

Полагаем, что следователя необходимо наделить правом давать органу, осуществляющему ОРД, в своем поручении указания на необходимость производства конкретных гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий.

Осуществление по поручению следователя гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий следует считать начальным моментом уголовного преследования преступлений террористического характера. Безусловно, орган, осуществляющий ОРД, вправе выбрать по своему

усмотрению, с учетом конкретных обстоятельств, предусмотренные Законом «Об ОРД» [2] иные виды оперативно-розыскных мероприятий. Однако указанные в поручении следователя оперативно-розыскные мероприятия должны носить обязательный характер, поскольку полученные следователем фактические материалы в результате оперативно-розыскной деятельности предшествуют следующему этапу и форме уголовного преследования - возбуждению уголовного дела.

Важнейшим направлением применения результатов взаимодействия следователя и органа, осуществляющего ОРД, в интересах уголовного процесса является использование их в доказывании по уголовным делам. Однако существующая редакция ст. 89 УПК РФ [1] фактически препятствует эффективному использованию оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе, поскольку запрещает использовать ее результаты без уголовно-процессуальной проверки.

Подводя итоги, хочется подчеркнуть, что тесное взаимодействие следователя и органа, осуществляющего ОРД, является основой для эффективного осуществления уголовного преследования по делам о террористических преступлениях в досудебном производстве уголовного судопроизводства, направленного на изобличение лица в совершении преступления.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Российская газета, № 249, 22.12.2001.
2. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 06.07.2016) "Об оперативно-розыскной деятельности" // Российская газета, № 160, 18.08.1995.
3. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.08.2018) "О полиции" // Российская газета, № 28, 10.02.2011.
4. Абдуллин А.Р. Оперативно-розыскная и уголовно-процессуальная деятельность в правоохранительных органах внутренних дел Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика, 2017. - Т. 4. - № 50. - С. 152-156.
5. Омелин В.Н. Проблемы совершенствования законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности // Алтайский юридический вестник, 2017. № 2 (18). С. 124-128.
6. Официальный сайт МВД РФ. Статистика преступности январь-ноябрь 2018 г.). URL: file:///C:/Users/sairus/Downloads/sb_1811.pdf (дата обращения 15.02.2019).
7. Румянцев Н.В., Омелин В.Н. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности // Юридическая наука и практика, 2018. № 1 (41). С. 197-201.
8. Уголовно-процессуальное право. Практикум: учебное пособие / ред. В.В. Ершов, В.А. Давыдов. 5-е изд., пер. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018. 390 с.
9. Устинова А. В. К вопросу о взаимодействии следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Молодой ученый. 2017. №11. С. 377-380.

СЕКЦИЯ №8.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

СЕКЦИЯ №9.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

СЕКЦИЯ №10.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО, ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЛИГАЦИОННЫХ ЗАЙМОВ

Жмурко И.М.

Московский политехнический университет, г. Москва

История возникновения облигационных займов берет свое начало со второй половины XVIII в., как средство финансовой политики, позволяющее покрыть государственные расходы. В связи с высоким уровнем инфляции и ростом задолженности государства в 1809 году был разработан «План финансов» М.М. Сперанского, который представлял собой проект реформ в области бюджета и государственного долга. Реализацией указанного Плана послужил Манифест от 2 февраля 1810 г., который ввел в обращение облигационные заимствования [3].

В период правления Александра I (с 1801 по 1825 г.) начался этап крупных реформ в сфере государственного устройства, в том числе и финансовой. В Манифесте 27 мая 1810 г. было объявлено о выпуске облигаций внутреннего займа [4]. Все обязательства по займам внутренние, внешние, срочные, бессрочные вносились в Долговую Книгу, которая была учреждена в 1817 году. В названный период займы использовались в основном с целью финансирования армии, а с 1842 года институт займов использовался и в производительных целях (пример тому является, выпуск второго внутреннего 5 % выигрышного займа с целью финансирования строительства дорог «между Москвой и Черным морем» Указ Правительственного Сената от 18 февраля 1866 г. «Об открытии второго внутреннего 5 % с выигрышами займа в 100 млн. рублей серебром») [2].

В национальной правовой системе с 1809 по 1882 г. правовое регулирование отношений в сфере облигационного займа было основано на императорских указах с содержанием общих условий займа, так как более подробная информация содержалась на самих облигациях. Обязательства выпускались по особым Высочайшим Указам, 09 января 1882 г. принят Указ, в соответствии с которым Министру Финансов предоставлено право производить выпуски таких обязательств по своему усмотрению, с ограничениями по сумме выпускаемых обязательств [1].

Система нормативно-правового регулирования отношений государственного займа имеет свои особенности. Кредитный устав 1903 (2 часть тома 11 Свода законов Российской империи) содержал ряд полезной информации: общие положения о государственных долгах, о комиссии погашения долгов, сведения о долговой книге, процедурные вопросы передачи, нормы о наследовании, порядок восстановления прав по утраченным документам, перечень займов и иные сведения. Наличие указанного документа позволило сделать вывод о том, что он являлся довольно серьезным источником правового регулирования отношений в сфере государственного займа.

История развития советского внутреннего государственного долга начинается с 1922 по 1927 г., в указанный период государственный долг состоял из краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных займов. Правительство также производило выпуск новой группы займов, размещаемых среди населения путем коллективной подписки. Увеличился выпуск принудительных займов, размещаемых среди предприятий.

С 1922 по 1957 г. выпущено 60 займов (первый государственный 6 % выигрышный заем выпущен по подписке в 1923 году (Декрет СНК СССР от 4 сентября 1923 г.). До 1957 года облигационные займы распространялись по подписке [6].

Исходя из высоких темпов инфляции и социально-экономического развития страны, первые внутренние облигационные займы были краткосрочные и носили натуральный характер. Все вопросы, связанные с выпуском и обращением государственных займов, регулировались уполномоченными органами в одностороннем порядке с применением императивных мер и принудительных займов с целью объединения денежных ресурсов, направленных на восстановление народного хозяйства. Гражданское законодательство не содержало ни одной нормы права, регулирующей государственные внутренние заимствования.

Институт займов продолжал активно развиваться, выпускались новые ценные бумаги и погашались облигации прежних лет, о чем свидетельствуют следующие документы: Постановление Совета Министров СССР от 30 декабря 1980 г. № 1220 «О выпуске Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 г.» и Постановление Совмина СССР от 27 июля 1990 г. № 737-102 «О погашении в 1990 году облигаций Государственных займов развития народного хозяйства СССР выпуска 1955 - 1956 г.».

Для России с 1917 по 1991 г. - период развития института государственных займов, который полностью был подчинен целям социально-политической борьбы, направленной на избавление от огромной дореволюционной задолженности. Всего было выпущено 5 государственных внутренних выигрышных займов: 3 % в 1938, 1947, 1966, 1982 и 15 % - 1992 г.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 19 декабря 1992 г. № 97 «О государственном внутреннем выигрышном займе 1982 года и выпуске Российского выигрышного займа 1992 год» подтверждено правопреемство Правительства РФ по обязательствам бывшего Союза ССР по облигациям Государственного внутреннего выигрышного займа 1982 года. Вместе с тем, закреплено право обмена владельцев указанных облигаций на облигации Российского внутреннего выигрышного займа 1992 года по номиналу. В связи с отсутствием источников финансирования, законодательной области применения долгового рубля, механизмов погашения действие нормативно-правовых актов [5] приостановлены до 1 января 2021 г.

В целом государственные облигации периода с 1991 по 2000 г. являлись процентными ценными бумагами, имели краткосрочный характер и выпускались в бездокументарной форме. Правовой основой регулирования послужил Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 136 «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумагах».

В советское время специальных законов закрепляющих общие положения о государственных займах принято не было. На конституционном уровне устанавливалось, что заключение государственных займов относилось к ведению СССР в лице высших органов государственной власти и органов государственного управления. В каждом отдельном случае заем выпускался по Постановлению Совета Министров СССР, с указанием на целевое назначение займа, суммы займа, срока займа, приводились положения по освобождению от обложения налогами и сборами. К специальным условиям относились: конкретизация размера процентов, условия обращения, количество тиражей и выигрышей по ним. Операции с облигациями государственных займов производились сберегательными кассами, однако право проведения тиражей, разработка предложений по этим вопросам сохранялась за Минфином СССР. Законодательный порядок и нормы, регулирующие общие положения, принципы осуществления государственных заимствований в финансовом законодательстве отсутствовали. И было это вызвано отсутствием каких-либо ограничений в осуществлении заимствований.

Конституция Российской Федерации 1993 года юридически закрепила добровольность государственных займов и отказ от принудительных займов и займов по подписке. Таким образом, финансово-правовой механизм изменен, государство существенно было ограничено по отношению к внутренним кредитам.

Однако действующее законодательство не дает ответа на ряд вопросов, целесообразным представляется принятие федерального закона, который бы систематизировал форму государственного долга, содержал механизмы обслуживания и погашения долга и предоставлял иные гарантии, принципы компенсации, способы реструктуризации долговых обязательств.

Результаты историко-правового исследования института государственного облигационного займа позволяют выделить следующие периоды: дореволюционный период с 1769-1917 гг.; советский период с 1917 -1990 гг.; современный период с 1991 по настоящее время.

В научных работах, посвященных исследованию государственным займам, исторический метод может быть положен в основу при проведении современных исследований. Это обосновывает возможность обращения российского законодателя и доктрины финансового права к достижениям прошлого, где можно проследить историческую правовую связь между действующим и дореволюционным российским правом. Отправной точкой исследований следует считать период развития займов с 1864 по 2001 г., в том числе 1817 год, который послужил началом развития института Государственной долговой книги, которая не потеряла актуальности в наши дни.

Список литературы

1. Бржеский Н.К. Государственные долги России: историко-статистическое исследование. СПб.: Типо-Литография А.М.Вольфа, 1884. 369 с.
2. Собрание узаконений и распоряжения правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1866. № 14. Ст. 112.

3. Таранков В.И. Ценные бумаги Государства Российского /В.И. Таранков. Тольятти: Интер-Волга.1992. 618 с.
4. Хейфец Б.А. Управление государственным долгом в царской России / Б.А. Хейфец // Финансы. 2003.№ 11. С. 67-70.
5. Федеральный закон от 04.02.1999 № 21-ФЗ «О базовой стоимости необходимого социального набора» // Российская газета от 11.02.1999; Постановление Правительства РФ от 22.12.2016 № 1437 «О приостановлении действия постановления Правительства РФ от 29.01.2000 № 82 «Об утверждении положения о переводе государственных ценных бумаг СССР и сертификатов сберегательного банка СССР в целевые долговые обязательства РФ» // ПС «Консультант+».
6. Финансово-кредитный словарь, т. 1, 2. - М.: Госфиниздат. 1961. – с. 299.

СЕКЦИЯ №11.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ И КАЧЕСТВЕ РАБОТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ СТОРОНЫ В СУДЕ

Ермолаев К.А.

Пензенский Государственный университет, г. Пенза

Переход России к рыночной экономике обуславливает возникновение разнообразных правоотношений, участие государства в котором либо сильно ограничено, либо исключено. Это означает, что в правоотношениях появилась автономия воли, а это, одна из составных частей гражданско-правового отношения. К одним из видов таких отношений относится и оказание юридической помощи на возмездной основе. Гражданско-процессуальное законодательство в настоящее время не содержит каких-либо запретов, цензов, которые служат барьером для осуществления деятельности по оказанию юридических услуг, в том числе представительских, словом, их может оказывать каждый. И это подтверждается положениями ст. 49 ГПК РФ. Но, несмотря на это, завоевать доверие потенциальных клиентов получается лишь в случае, когда лицо, оказывающее их, обладает безупречным послужным списком, и становится совершенно очевидным, что добиться этого не представляется возможным, не обладая юридическим образованием. Между тем отсутствие каких-либо ограничений выгодно как заказчику услуг, так и исполнителю. Возникает резонный вопрос: почему же все-таки граждане, ИП и юридические лица предпочитают частных представителей адвокатам, которые не только обладают образованием, квалификацией, соответствующим статусом, но и ответственностью? Во-первых- цена, которую потенциальные клиенты находят приемлемой. Но другой немаловажный результат- выигранное дело, ведь основным слагаемым успеха является количество выигранных дел, решения по которым не обжаловались, либо поступившие жалобы оставлены без удовлетворения [7]. Во-вторых, это выгодно самим исполнителям услуги- представителям, которые распределяют полученную прибыль по своему усмотрению и освобождены от корпоративных обязанностей по отчислению средств на различные нужды, как это действует в адвокатских образованиях. Представители, имеющие статус ИП или ООО, данными обязанностями не обременены. И доверители, которым некачественно была оказана помощь, в данной ситуации могут либо просто отозвать доверенность, либо предъявить иск непосредственно к исполнителю услуги, однако это не всегда компенсирует затраты, понесенные клиентом. Такая ситуация создает комфортные условия для работы недобросовестных, а хуже того, неквалифицированных специалистов. Данное обстоятельство приводит к дискредитации юридической профессии и росту числа жалоб[9]. И законодателем была предпринята попытка очистить рынок юридических услуг от такой категории представителей. Именно поэтому активизировалось обсуждение и регулирования рынка профессиональной юридической помощи и министерством юстиции была разработана соответствующая концепция, основная цель которой- упорядочивание системы оказания юридической помощи. Добиться подобного порядка можно лишь введением определенного статуса для юристов, профессионально занимающихся судебным представительством преимущественно по гражданским делам. В данной концепции предлагается последовать примеру уголовного процесса, а именно сделать статус адвоката обязательным для допуска к представлению интересов в суде по всем видам производств, предусмотренных Конституцией РФ. Следует отметить, что вопрос об установлении адвокатской

монополии на судебное представительство является злободневным и на сегодняшний день. Не все представители, не обладающие статусом адвоката, для которых представительство не столько профессия, за которую исчисляется трудовой стаж, сколько род занятий, относятся к недобросовестным. Немало и тех, кто в прошлом обладал статусом адвоката и т.д. Поэтому резкая монополизация рынка юридических услуг—это революционные изменения, которые могут вызвать критическое отношение общества. В качестве первоначальной меры была введена обязанность документально подтвердить получение юридического образования. Такая норма впервые появилась в КАС РФ, вступившим в силу 15.09.2015 года[3]. Но появилась она в новом кодексе отнюдь не в результате появления соответствующих предпосылок в обществе, а присоединение РФ к Всемирной торговой организации[5]. И наилучшим способом подтверждения этого профессионализма является наличие юридического образования, либо статуса адвоката.

Одна из первых попыток введения в арбитражный процесс профессионального представителя была предпринята в 2002 году. В ч. 5 ст. 59 АПК РФ было закреплено положение о том, что представителями организаций могут выступать в арбитражном суде по должности руководители организаций, действующие в пределах полномочий, предусмотренных федеральным законом, иным нормативным правовым актом, учредительными документами, или лица, состоящие в штате указанных организаций, либо адвокаты.

Полномочия представителя оформляются доверенностью, однако необходимо прописать в ней специально все полномочия, перечисленные в ст.54 ГПК РФ. Аналогичные требования к доверенности содержатся и в АПК. Особое место занимают представители, выступающие по административным делам, рассматриваемым в соответствии с КАС РФ. Здесь впервые введена обязанность подтверждения представителем своей квалификации. Исключение составляют адвокаты (которые подтверждают свое участие ордером) или представители органов государственной власти и местного самоуправления. В связи с образованием апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции представителей, выступающих в данных судебных инстанциях также обязали подтверждать квалификацию документом о получении высшего юридического образования, либо ученой степени. У мировых судей и в районных судах по гражданским делам и делам об административных правонарушениях подтверждать квалификацию не нужно.

Другой немаловажный аспект—расходы на оформление доверенности. Учитывая то обстоятельство, что ст.53 ГПК можно заявить ходатайство о допуске представителя, причем как в письменной, так и устной форме, это также позволяет сэкономить на доверенности на право представления интересов в суде, оформляемой, как правило, у нотариуса. Но и это еще не все. Представительские полномочия можно прописать и в договоре оказания юридических услуг, но это должны быть все те же самые полномочия, что и предусмотренные ст.54 ГПК РФ[6]. В организациях, в структуре которых образован юридический отдел возникает парадоксальная ситуация в части возмещения расходов на представление интересов в суде. Зачастую руководство данных организаций обязывает участвовать начальника данного отдела при рассмотрении судом сложных дел, даже при условии отсутствия данной обязанности в должностной инструкции. Но, по мнению Л.Л. Горшковой[1], расходы на участие такого представителя могут быть взысканы, причем на абсолютно законных основаниях. Однако в случае исполнения обязанностей наряду с должностью начальника отдела с должностью юриста основания для возмещения таких расходов отсутствуют. Причина тому кроется в составе трудового правоотношения, где при расчете заработной платы за отчетный период отдельно учитывается показатель участия работника в судебных заседаниях. Но каким бы должностным статусом ни обладал представитель, его работа подлежит оплате. При этом, как справедливо отмечает Л.В. Шелехова[10], положения ст. 15 ГК РФ здесь не применяются. Вопрос о возмещении представительских расходов решается судом, и это один из видов решений, выносимых на усмотрение суда. Во внимание принимается сложность рассматриваемого дела, количество проведенных судебных заседаний, заявленных сторонами ходатайств, сравнивается даже стоимость услуг, оказываемых организациями, специализирующимися на судебном представительстве. При этом детальной оценке подвергаются все доказательства, представленные стороной, как отмечено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ №1 от 21.01.2016.

Совершенно очевидно, что профессионализм судебных представителей признается важным фактором, влияющим на качество отправления правосудия. Но при этом стоит сказать и о том, что наличие диплома о высшем юридическом образовании не свидетельствует о высоком профессионализме лица, желающего осуществлять судебное представительство. Судебный процесс, как лакмусовая бумага, проявляет проблему недостаточной подготовленности, а зачастую и низкой квалификации специалистов, а, следовательно,

некомпетентность осуществляющих полномочия представителей. Только комплексный подход способен выявлять недостатки нормотворческой и правоприменительной деятельности, а также способствовать их преодолению. Все это окажет существенное влияние на укрепление правосудия и доверия к судебной системе Российской Федерации[2].

Список литературы

1. Горшкова Л.Л. «Возмещение услуг представителя в суде» // Бухгалтер и закон 2012 №16(304) с.17;
2. Дивин И.М. «Взгляд на профессиональное судебное представительство сквозь призму процессуального законодательства» // Российская юстиция. 2018. N 3. С. 22 – 24;
3. Казиханова С.С. «К вопросу о судебном представителе: некоторые теоретические и практические проблемы» // Вестник университета им. О.Е.Кутафина 2017 №3(31) с.47-58;
4. Определение Арбитражного суда Пензенской области по делу А49-10710/2016 от 07.05.2018 г. // сайт kad.arbitr.ru;
5. Протокол от 16.12.2011 «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» Особое внимание было приковано к пункту II (1) (А) (а). Перечня специфических обязательств Российской Федерации по услугам, устанавливающего требование о ведении дел в судах только через профессионального юридического представителя;
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»;
7. Романов А.А. Судебное представительство в гражданском процессе России и планируемая адвокатская монополия // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. N 9. С. 17 - 21.
8. Синцов Г.В. «К вопросу об этическом воспитании юристов в современной России» // Российская юстиция. 2012. N 11. С. 37 - 39.
9. Синцов Г.В., Степанова Д.Н. «К вопросу об этическом факторе в процессе обучения юристов» // сборник: «Психолого-педагогические проблемы процесса обучения в современной школе материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием Национального педагогического симпозиума «Образование и национальная безопасность». 2017. С. 194-199.
10. Шелехова Л.В. «Актуальные проблемы и вопросы, возникающие при взыскании судебных расходов на оплату услуг представителя в судах общей юрисдикции» // Вестник Нижегородской правовой академии 2016 №11 (11) с.98-100

ПЛАН КОНФЕРЕНЦИЙ НА 2019 ГОД

Январь 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях**», г. Санкт-Петербург

Прием статей для публикации: до 1 января 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 февраля 2019 г.

Февраль 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом**», г. Новосибирск

Прием статей для публикации: до 1 февраля 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 марта 2019 г.

Март 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция «**Актуальные вопросы юриспруденции**», г. Екатеринбург

Прием статей для публикации: до 1 марта 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 апреля 2019 г.

Апрель 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция «**Теория и практика современной юридической науки**», г. Самара

Прием статей для публикации: до 1 апреля 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 мая 2019 г.

Май 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция «**Актуальные проблемы юриспруденции и пути решения**», г. Омск

Прием статей для публикации: до 1 мая 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июня 2019 г.

Июнь 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция «**Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях**», г. Казань

Прием статей для публикации: до 1 июня 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 июля 2019 г.

Июль 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция «**О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции**», г. Челябинск

Прием статей для публикации: до 1 июля 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 августа 2019 г.

Август 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция **«Теоретические и практические аспекты развития юридической науки»**, г. Ростов-на-Дону

Прием статей для публикации: до 1 августа 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 сентября 2019 г.

Сентябрь 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция **«Современная юриспруденция: актуальные вопросы и перспективы развития»**, г. Уфа

Прием статей для публикации: до 1 сентября 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 октября 2019 г.

Октябрь 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция **«Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции»**, г. Волгоград

Прием статей для публикации: до 1 октября 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 ноября 2019 г.

Ноябрь 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция **«Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы»**, г. Красноярск

Прием статей для публикации: до 1 ноября 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 декабря 2019 г.

Декабрь 2019 г.

VI Международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития современной юриспруденции»**, г. Воронеж

Прием статей для публикации: до 1 декабря 2019 г.

Дата издания и рассылки сборника об итогах конференции: до 1 января 2020 г.

С более подробной информацией о международных научно-практических конференциях можно ознакомиться на официальном сайте Инновационного центра развития образования и науки www.izron.ru (раздел «Юриспруденция»).

ИННОВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
INNOVATIVE DEVELOPMENT CENTER OF EDUCATION AND SCIENCE

**Актуальные проблемы юриспруденции
в России и за рубежом**

Выпуск VI

**Сборник научных трудов по итогам
международной научно-практической конференции
(11 февраля 2019 г.)**

г. Новосибирск

2019 г.

Печатается в авторской редакции
Компьютерная верстка авторская

Издатель Инновационный центр развития образования и науки (ИЦРОН),
603086, г. Нижний Новгород, ул. Мурашкинская, д. 7.

Подписано в печать 10.02.2019.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 3,5.
Тираж 250 экз. Заказ № 021.

Отпечатано по заказу ИЦРОН в ООО «Ареал»
603000, г. Нижний Новгород, ул. Студеная, д. 58.